

НИКА ГРУМЕТ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА
ВОЛНИЦА

I. НИГРЕДО.
СОЗДАННЫЙ ИЗ ПЕПЛА

Обратная сторона Солнца

Ника Грумет

**Обратная сторона Солнца. I.
Нигредо. Созданный из пепла**

«Автор»

2026

Грумет Н.

Обратная сторона Солнца. I. Нигредо. Созданный из пепла /
Н. Грумет — «Автор», 2026 — (Обратная сторона Солнца)

Света Козырева всегда относилась к жизни легче, чем кто-либо ещё. Гопники с соседнего района завязывают драку? Против профессионального боксёра и секунды не выстоят. Узрите мощь моих кулаков! Внезапный переезд в другой город? Можно видеться со старыми друзьями и на выходных. Да какие у неё могут быть проблемы? Минутку... Мало того, что оборотни существуют, так Света ещё и одна из них?! И теперь вместе с друзьями должна искать древние артефакты и с их помощью бороться с преступной организацией пиромантов, чей лидер, Илларион Розенкрейц, - бессмертное существо, способное одним взмахом руки сжечь весь город и желающее поглотить силы Светы, ведь она... избранная Пророчеством? Каким из?.. Стоп! Что здесь происходит, чёрт возьми?! Сказала бы Света, если бы не относилась к жизни легче, чем кто-либо ещё. Невероятные приключения, тайны предков и эпичные магические битвы. Да она о таком и не мечтала! Вот только прошлое тенью следует за ней, желая сжечь, не оставив ничего, кроме горстки пепла.

© Грумет Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Прощание с прошлой жизнью	8
Глава 2. Злой призрак	16
Глава 3. Какие ещё оборотни???	25
Глава 4. Пророчество и обелиски	32
Глава 5. Начало расследования	40
Глава 6. Розы из тени	49
Глава 7. Маленький кусочек огромного пазла	62
Глава 8. Галлюцинация	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Обратная сторона Солнца. I. Нигредо. Созданный из пепла

Пролог

Для многих ночь – время, когда шумный и суетливый день подходит к концу, уступая место долгожданной тихой передышке. Подобно тому как луна сменяет солнце, мало заметно, но неотвратимо замедляются все процессы в мире. Свет приглушается, шума становится меньше, а животные и люди заканчивают свои важные дневные дела и, зевая, готовятся ко сну. Тьма, тишина и спокойствие.

Так мыслят те, кому есть куда возвращаться на ночлег. Так мыслят те, кому для спокойной жизни достаточно пожинать то, что посеяли другие. Так мыслят те, у кого есть всё. Те, для кого ночь не была торжественным началом праздника, зовущегося *охотой*...

Низише, что никогда не достигнут Рубедо. Им никогда не понять, на что на самом деле способно живое существо.

От раздавшегося на тихой поляне шума спящие птички с испуганным щебетом разлетелись в стороны, зверьки разбежались по густым зарослям, прячась от грозных хищников, а стая светлячков из цельного звёздного скопления превратилась в беспорядочно рассеявшуюся по лесу туманность. *Так* тишину сумеречного леса уже давно никто не нарушал.

Над землёй в центре поляны взорвалась яркая вспышка, и из раскрывшегося разлома вылетел, повалившись на траву, подросток; следом за ним приземлилась старая котомка. Он лежал неподвижно, лишь грудь плавно вздымалась в такт слабому дыханию.

На первый взгляд, парень был родом не из самой обеспеченной семьи: хоть телосложение довольно хилое для тяжёлой работы, одежда старая и потёртая; в мешочке почти ничего не лежало: вероятно, только самое необходимое, с чем парню предстоит выживать на этих землях. Длинные серые волосы разметались по покрытой росой траве, за растрёпанной чёлкой нельзя было разглядеть черты лица – но выражение его наверняка несчастное. С момента приземления уже прошло несколько минут, но пришелец по-прежнему лежал, не двигаясь.

Он столько лет прожил в кошмаре наяву и, казалось, наконец начал жить по-настоящему. Но в один момент собственными руками разрушил всё, чем судьба наградила его. Он слишком никчёмный, чтобы продолжать своё жалкое, бессмысленное существование. Теперь он мечтал исчезнуть вновь. В этот раз – навсегда.

Выждав какое-то время, притихшая на ветке птичка всё же решила рассмотреть пришельца поближе. Ещё раз оглядевшись, она, быстро взмахивая маленькими крыльшками, спикировала на влажную траву в метре от него. Тот все не двигался, и птичка, окончательно осмелев, принялась ловкими прыжками сокращать расстояние между ними.

Оставалось всего ничего, она вот-вот смогла бы рассмотреть вблизи лицо таинственного паренька, когда над поляной бесшумной чёрной вспышкой пронеслось нечто холодное. Ледяное, как сама смерть. Острое, как клинок. Обычному человеческому глазу не хватило бы скорости, чтобы уследить за его движением, но это было только на руку хозяйке незаметных чёрных щупалец, способных в считанные секунды уничтожить всё живое на своём пути. Маленькая птичка не успела и пискнуть, как от неё не осталось ничего, лишь пара светлых пёрышек медленно опала на землю. Чёрное щупальце стебля, сплошь покрытого острыми шипами, неторопливо скрылось в складках плаща хозяйки. Медленно выходя из тени высоких деревьев и брезгливо, словно отряхивая от грязи руку, скрытую под плотной чёрной перчаткой, низким хриплым голосом она обратилась к тёмной фигуре, неспешно следовавшей за ней по пятам на протяжении всего пути:

– Он едва выдержал переход, достаточно ли силой напитался? Сможет ли осуществить предначертанное? Быть может, мы поспешили.

Мужчина со скрытым под капюшоном чёрного плаща морщинистым лицом остановился недалеко от неподвижно лежащего на земле парня. Окинув взглядом пёрышки, оставшиеся от убитой птички, он оскалился и проскрипел:

– Луны окрасились алым в восьмой раз, он смог явить нам свою суть. Воистину, он перешёл к следующей фазе Пророчества. Лишь вопрос времени, когда вступит в силу завершающая. Твоим выборам я буду доверять всегда, дочь моя.

На мгновение лёгкая улыбка застыла на лице девушки. Она сдержанно ответила отцу:

– Я лишь немного угнетена. Разве могли в нём проявиться низшие чувства? Что если они помешают ему, собьют с пути истинного? Порой мне кажется, что несколько столетий – это непомерно долго. За время скитаний как мог он узнать о подобном? Быть может, я поведала ему что-то лишнее...

– Не тревожься, дитя моё. Мы наглядно продемонстрировали, что повлекут за собой такие греховные мысли. Он доставил нам хлопот, но всё это – ничто в сравнении с исполнением Пророчества. Ещё пара сотен лет, и наступит истинный порядок вещей. Ни один год нашей работы не будет напрасным.

– Не смею противиться ни единому вашему слову, папенька. – Девушка обратила взор полуприкрытых оранжевых глаз к чистому звёздному небу, длинные чёрные волосы тихо зашелестели, подхваченные редким порывом ветра. – Если бы не это внезапное мелкое восстание, я могла бы назвать этот день самым что ни на есть счастливым.

– За столько лет это стадо так и не осознало, насколько бесполезно любое сопротивление. Вернее, жалкие его попытки. Их всех когда-то спасли от верной гибели, а они не в силах вытерпеть даже пару смертей. Это восстание лишь позволило нам поглотить и их. Порой я жалею, что не могу поведать об их скорой гибели. Нельзя портить интригу.

Сотни людей и животных врывались в выбитые вилами и подождённые порохом ворота. Ещё не добравшись до главного зала, падали замертво от раскаленных пламенем стрел стражников. Кровь лилась рекой и навеки впитывалась в почву. Брызги попадали в глаза, застилая взор, заставляли падать, как мешки с землёй, бездыханные тела несчастных и потерявших всякую надежду. Какофония криков, рыков и надрывного рыдания раздавалась над темным двором. Ей в унисон ломались кости, и рвалась плоть. Ужас и отчаяние заполнили замок. Чёрный шипастый стебель выступил палачом: как на длинный холодный клинок были насажены на него выжившие. Даже горячие реки крови, окрасившие его, не смогли сделать сердце хозяйки хоть на долю теплее. Тьма стала только яростнее пропитывать душу девушки, что с безразличием взирала на павших подданных с высокого пика башни. Лишь жестокие оранжевые глаза освещали поле брани. И не будет на этих землях более иного света.

Ещё долго с благоговением девушка будет вспоминать эту картину. Столько чужих сил она впитала в той битве! Нет. Казни! Казни неверных, что смели сомневаться в величии своих новых правителей! Хоть для смертных они были уже отнюдь не новыми. Им не осознать понятие времени в столь широком смысле. Их жизнь была мимолётной жизнью мухи, существующей лишь, чтобы хищники утолили ею частичку всепоглощающего голода. Таковы законы природы для низших существ, и никому не в силах идти им поперёк.

Девушка нехотя вырвалась из тёплых объятий воспоминаний, вновь обратившись к отцу:

– Мальчик жив, и это главное. Нам пора возвращаться. Вороны выклевали своё. Настало время этого ребёнка. Если Пророчество истинно, он сам поймет, что должно сделать.

– *Summa Scientia nihil Scire.*

Когда собеседники обменялись им одним понятным высказыванием, тьма окутала их темные фигуры. Поляна опустела, вновь в сумеречном лесу воцарилась тишина.

Ни звука, ни шороха. Время словно остановилось. Ни одно живое существо не решалось более ступить на осквернённую землю.

Но вот неподвижно лежавший парень, наконец, издал такой глубокий вдох, словно не мог сделать этого, вынужденный задерживать дыхание, уже несколько сотен лет. Из-под длинной чёлки сверкнул холод серых глаз, едва разлепившихся после мучительного кошмарного сна. На миг обретший ясность и молящий о прощении взгляд поднялся к небу. Он так хотел раскаяться за все грехи, что совершил в одно мгновение...

Парень медленно моргнул, взгляды в звёзды и ища в них ответы на вопросы, невыносимо больно терзающие душу, а радужки замигали едва заметными багровыми огнями. С каждой секундой этот свет становился всё ярче и настойчивей, превратив, наконец, равнодушные серые глаза в два ярчайших алых огня познавшего все страдания бессмертного. Теперь они осветят жестоким светом всё, что стоит на пути его великих замыслов. Он больше не бессилен. Настало время *его* охоты.

Глава 1. Прощание с прошлой жизнью

Школа — самое ужасное место в мире!

Чем дольше сидишь на этих орудиях пыток, называемых стульями, тем больше ощущаешь, как каждая мышца превращается в дерево, а то и в кирпич. Сейчас Света ощущала себя именно кирпичом. Больше всего на свете желала, чтобы ею разбили ближайшее окно и даровали этим свободу за пределами душного кабинета.

Подобные рассуждения нередко посещали её на уроках физики. За всю свою сознательную жизнь Света ни разу не задумывалась, почему же мяч падает на землю, если бросить его с высоты, почему лучи света преломляются в воде, а уж как электроны движутся в атомах — и подавно. Химия и то была интереснее, но лишь когда в классе проводят зрелищную лабораторную, результаты которой к тому же можно списать у одноклассников. А вот если бы их учили превращать любой металл в золото!.. Тогда бы Света согласилась не то что каждый день ходить в школу, даже жить в ней.

И какой толк на каждом уроке выслушивать упрёки от учительницы? В этот раз о забытом всем классом проекте, который задали ещё в сентябре. Свете изрядно наскучили нескончаемые нелестные, но всё ещё цензурные эпитеты Марии Фёдоровны. Неужели она не видела, что ребятам по боку: как и прежде блуждают взглядом по кабинету, не зная, чем себя занять? Света утомилась делать это и бросила взгляд в окно.

На стадионе второклашки бегали наперегонки. Один особенно уставший не успел вовремя затормозить и натолкнулся на одноклассника. Оба потеряли равновесие и шмякнулись на землю, но тут же рассмеялись, поднялись и возобновили бег. Вот кто по-настоящему счастливый: тот, кто ещё не успел познать ужаса ярости Марии Фёдоровны! Теперь Света жалела, что не может присоединиться к второклашкам, и вздохнула ещё более тяжко, чем тридцать раз до этого.

Не то чтобы она испытывала хоть какие-то муки совести из-за просроченного доклада, и не то что бы хоть кто-то из класса тревожился об этом. Но причитания пожилой учительницы не могли не раздражать. Лучше бы она с самого начала монотонно рассказывала новую, одному богу и ей понятную тему, без всяких прелюдий. Оставалось только смириться и продолжать абстрагироваться, пока звонок не прозвонит. Да хоть детство вспомнить!

У Светы было мало воспоминаний из детства, лет до шести, можно сказать, не было вовсе: только фрагменты самых ярких. Она помнила, что все её пятнадцать лет почти полностью состояли из спорта и активных прогулок. Активности обычно подразумевали изучение наиболее небезопасных для детей мест, конечно же. Иначе детство она таковым и назвать бы не посмела.

Заядлой хулиганкой Свету назвать нельзя. Такие места она посещала лишь из детского любопытства! Простые площадки уже давно как на подбор одинаковые и скучные: горки маленькие, качели низкие, песочницы. Вообще нужны кому-то? Сидеть и копаться в песке с бог знает какими ещё примесями, лепить из этой субстанции кулички. Оставим это другим. И это если повезёт, что во дворе вообще была площадка. Уж больно зачастили строить дворы, наглухо забитые машинами на парковке. Даже мяч погонять негде. Потому приходилось искать обход.

Наскучили футбол и волейбол? Придумаем собственную игру! Площадки исследованы на сто процентов? Весь город в нашем распоряжении — заброшки изучены только на десять!

Хоть Света и занималась этим с тринадцати лет, за два года успела посмотреть немало. И изучила бы ещё больше, если бы лидер их вылазок, Гордей, не поступил в университет в другом городе и не уехал из Белгорода. Последнее такое приключение прошло месяц назад, всё это время Свету одолевало невыносимое желание сходить на заброшку вновь. Но она не

могла: Гордей заставил ребят поклясться, что они никогда больше не зайдут в заброшку без него. Ребята было подумали, что парень считает их совсем несмышлёными и хочет отгородить от опасностей, но Гордей уверил, что просто не сможет четыре года жить с мыслью о том, что всё веселье проходит без него. Эта причина понравилась им куда больше, поклясться всё же пришлось.

Помимо любви к неизвестному, Света иногда испытывала более глубокое и труднообъяснимое чувство. Если бы её попросили описать его, она вряд ли смогла бы и пару слов связать. Чем больше заброшек исследовала вдоль и поперёк, тем сильнее росло желание продолжать. Ещё мало повидавшая в жизни девушка по какой-то причине всё старательнее рылась в никому не нужном хламе, словно пыталась откопать там нечто утраченное. И если искала безуспешно, тягучее чувство пустоты разрасталось в глубинах сердца. Света отчаянно продолжала пытаться снова, не хотела останавливаться, пока не найдёт то, что требуется.

Может, это был очередной кризис какого-то там возраста. Она же придерживалась мнения, что так себя проявляло простое детское любопытство, пусть и довольно странное. У всех людей на свете есть свои странности. Почему Света должна быть исключением?

Света не любила долго думать о плохом, вновь вспомнила о хорошем, неосознанно улыбнулась и откинулась на спинку стула, игнорируя неприятный голос раздражённой учительницы.

По-настоящему интересной можно назвать площадку со множеством тренажёров. Там Света проводила всё время, которое другие тратили на телефоны и компьютеры. Вовсе не потому, что не имела возможности. Семья у Светы вполне себе обеспеченная, но ведь те же деньги можно потратить на спортзал и секции! Тоже прекрасное место для новых знакомств и весёлого времяпровождения.

Любовь к спорту ей привили с раннего детства. Можно было подумать, что за Свету просто сделали выбор, но это не так. Спорт — действительно одна из самых значимых для её сердца вещей. Однако посещать сразу несколько секций оказалось довольно трудно, в итоге из всех Света выбрала только бокс. Она редко жаловалась на плохое настроение, удача была поистине к ней благосклонна, но иногда наступали и не самые приятные моменты. Чтобы отвлечься, она удваивала стандартные тренировки, и это правда помогало. Тренажёры и спарринги для неё — отдушина наравне с друзьями.

Настоящими Света могла назвать всего двоих: Катю и Германа. При одном упоминании их имён в голове проносились мириады греющих душу воспоминаний. Она уже плохо помнила подробности их знакомства, но воспоминание от этого не становилось менее ярким.

Семь лет назад к ним в класс перевелись новенькие — Катя и Герман. Оба из разных школ и не знакомы. Голову Светы тогда занимали мысли о начале занятий в боксёрской секции, поэтому новеньких она заметила только к последнему уроку и уже через секунду благополучно забыла о них.

В тот же вечер по дороге домой её привлекло странное оживление на площадке соседнего двора. Вокруг детского городка собралась толпа мальчишек — самопровозглашённых боссов района. Издалека сквозь макушки ребят в чёрных куртках с полосками и с развёрнутыми к затылкам козырьками кепок Света с трудом разглядела ярко-красное пятно. Заинтересованная она не спеша подкрадывалась к отвлечённым своей жертвой мальчишкам, всё чётче слыша выкрики.

— Ну и цвет, ты что, девчонка?

— Поносить дашь?

Неразборчивые голоса то и дело прерывались раздражающим гоготом и плевками. Маленькая Света, не останавливаясь, поморщилась. Таких хулиганов в её классе она перевоспитала ещё в прошлом году. Сразу видно, кучка глупых задир!

Приподнявшись на цыпочках, чтобы разглядеть жертву насмешек, она так и застыла, разинув рот.

Хулиганы вчетвером теснили одного невысокого мальчика с красным рюкзаком на плечах. Растерянно оглядываясь, он пятился к стене городка и наконец упёрся в неё рюкзаком, лишившись возможности сбежать. Хулиганы тут же рассмеялись, тыча в него пальцем.

— Смотрите, он теперь не сбежит.

— Будешь теперь нам свою еду в столовке отдавать!

— Ха-ха-ха!

Приглядевшись ещё, Света обомлела.

Да это же новенький Герман! Угроздило же его в первый день

— Что это вы тут делаете?

Мальчишки резко затихли и нерешительно повернули головы на звук. Позади них со скрещенными на груди руками стояла девчонка в школьной форме. На одно плечо она небрежно закинула точно такой же красный рюкзак. Она исподлобья оглядела каждого застывшего в недоумении хулигана и, сдунув чёлку со лба, указала большим пальцем себе за спину:

— Смотрите-ка сюда! — Света широко улыбнулась, сверкнув пустотой на месте недавно выпавшего зуба. — Мой рюкзак вам тоже не нравится?

Хулиганы переглянулись и потёрли затылки. Недоумение их длилось недолго. В тот же миг они захихикали и начали приближаться к Свете.

— Не нравится, поэтому тебе сначала настучим! — хмыкнул один.

— Ты никакая не девчонка, тебя можно! – поддакивал второй.

От поднятого шума стайка голубей с испуганным курлыканием взлетела с верхушки дерева. На балконе женщина едва не выронила таз с только что постиранным бельём и метнулась к перилам, высовываясь и пытаясь разглядеть, что творится на площадке.

Лёгкие удары, испуганные вскрики и писк мальчишек взволновали всю округу и так же быстро стихли, сменившись топотом четырёх пар ног убегающих прочь хулиганов. Один из них в панике уронил кепку Свете под ноги, но не осмелился и на миг обернуться, чтобы не видеть больше страшного оскала на лице незнакомой девчонки с красным рюкзаком. Та корчила рожицы им вслед и хохотала, хватаясь за живот и тыча в них пальцем. Она только вчера впервые пришла в боксёрскую секцию и ничего ещё толком не умела. Что за хулиганы они такие, раз убегают теперь как обиженные девчонки?

Что было дальше, Света помнила плохо: как только мальчишки сбежали, с горки к ним с Германом съехала ошарашенная Катя с точно таким же рюкзаком за спиной. Ребята молча переглянулись и ещё долго смеялись. С того вечера троица почти никогда не разлучалась.

— Ты тоже ничего не сделала? — слышался шёпот с задней парты.

Вырваться из тёплых воспоминаний обратно в суровую реальность было больно. Света развернулась, чтобы так же тихо ответить Герману:

— Шутишь, что ли? Делать мне нечего.

Катя, сидевшая рядом, облегчённо вздохнула. Эти трое никогда не отличались успехами в учёбе, Свете вообще было достаточно троек и не быть отчисленной.

— Слава богу! Ты всё ещё с нами

Света усмехнулась. Ещё бы она изменила своим принципам и начала учиться усердно...

Она была уже на полпути к тому, чтобы вернуться к более важным, чем причитания физички, вещам, но что-то заставило её отвлечься вновь.

Ощущение было странным, такое Свете испытывать ещё не приходилось. Будто только что вспомнила о чём-то, но в тот же миг забыла. В надежде всё же вспомнить, повернулась к окну и попыталась найти аномалии на улице. Снаружи всё было таким же, как пару минут назад: на стадионе играют дети, деревья с пожелтевшими листьями, слава богу, не двигаются, небо серое, но дождь пока не идёт. Всё тот же десятилетиями не меняющийся второй школьный корпус Минутку, что это за густой белый дым валит из окна кабинета химии?!

Свету передёрнуло, как от удара током. Зрачки сузились, в груди ухнуло, сердце едва не пропустило удар, прошиб холодный пот. И так же быстро, как появилось, странное чувство исчезло, а то, что Света пыталась вспомнить, будто бы вспомнила. Но почему-то ещё не осознала.

Она решила не обращать внимания на странный приступ, вместо этого принялась оглядывать класс: Мария Фёдоровна наконец-то приступила к объяснению новой темы, кто-то из одноклассников писал конспекты, кто-то лежал на парте, уткнувшись носом в рюкзак, — всё было привычно. Точно так же, как пару минут назад, будто дыма в соседнем корпусе вовсе не было, а Света — единственная, кто его заметил. Но она никогда не жаловалась на галлюцинации, сколько себя помнит, почему тогда ещё не сработала сигнализация?..

Не дав ей закончить мысль, здание разорвала пожарная тревога. Одноклассники бросили свои дела и инстинктивно прижали руки к ушам, чтобы не оглохнуть. У Марии Фёдоровны перед глазами пронеслась вся её долгая жизнь — никто не предупреждал учителей об учебной тревоге!

Ученики не знали об этом, подумали, очередная плановая проверка. Под строгими выкриками учителей школа стремительно пустела без намёка на панику, кто-то весело смеялся, радуясь сорванному уроку. Обернувшись на чей-то гогот позади, Света нахмурилась и на миг остановилась, но тут же течение из детей затолкало её дальше по коридору. Не отставая от одноклассников и не вслушиваясь в крики вокруг, она застряла в раздумьях. Обычно она смеялась бы вместе с ребятами и перекрикивала других, чтобы пошутить и заслужить угрожающий взгляд физички. В этот раз было не до шуток.

Она что, действительно единственная, кто видел?..

Только на улице школьники стали замечать странный дым в окне второго этажа. Громкие голоса теперь то и дело прерывались шёпотками и короткими вскриками, школьники тыкали пальцем в пожар и, не стесняясь, снимал на видео. Одна из вытянутых рук загрозила Свете обзор. Она обернулась: Катя одной рукой прикрывала рот от шока, а второй снимала экшен для соцсетей. Кто бы сомневался.

Света мало чего боялась, но вид дыма застрял в памяти, навязчивым образом отпечатавшись прямо в сетчатке глаза. Внешне она и вправду оставалась непоколебима, лишь задумчиво блуждала взглядом по суетящимся между разрозненными рядами учеников учителям и администрации с пожарными. Неужели она боится огня и испугалась, впервые увидев дым так близко? Огонь действительно настолько медленно распространяется по зданиям, что за десять минут не успел охватить соседние кабинеты? Что, чёрт возьми, с ним не так?

Катя и Герман были так увлечены разговорами одноклассниками, что не сразу заметили, как Света отстранённо смотрит на окно, из которого уже несколько минут назад прекратил валить дым.

— Ты в порядке? — спросил Герман, на пару с Катей беспокойно глядя на подругу.

— Да. Просто не могу понять, что не так.

— Не так? В каком смысле? Пожары, конечно, не так часто случаются, но в новостях про них каждый день рассказывают. А в этом никто даже не пострадал, считай и не пожар.

— Ну — Света попыталась сформулировать беспокоящую её мысль. Безуспешно. Устало прикрыв глаза и почесав затылок, она со вздохом отмахнулась. — Не знаю. Просто не выпалась, наверное.

— Директор возвращается!

Ещё раз оглядев всех присутствующих, высокий широкоплечий мужчина объявил, что небольшой пожар начался из-за неисправной проводки, но в кабинете на тот момент никого не было, поэтому всё обошлось без единого пострадавшего. Пожарные быстро устранили возгорание, при эвакуации ни одного ученика и учителя в здании не осталось, и все могут спокойно,

без суеты и ровными рядами покинуть школу, так как здания обоих корпусов теперь требуется осмотреть на наличие других подобных проблем.

Школьники вряд ли разобрали хотя бы половину из его сухой, прерываемой кашлем и вздохами, речи. Но услышав, что могут идти домой, разразились победными криками. Будто их не эвакуировали, а на концерт известной группы позвали.

Света очнулась, только когда они с Катей и Германом уже вышли за ворота, неспешно направляясь в сторону её дома. Друзья переглянулись. Катю нарушила неловкое молчание первой:

— Давайте позвоним родителям, скажем, что всё в порядке, и пойдём, поедем где-нибудь.

— В кафе? — предложил Герман.

Света задумчиво остановилась и, вернув взгляду ясность и весело улыбнувшись, согласилась:

— Прекрасная идея! Макароны в столовке сегодня были гадостью редкостной, у меня кусок в горло не лез.

Предвкушая долгожданный обед, Света с привычной расслабленной улыбкой развернулась и, возглавив шествие, отправилась в путь. При упоминании нормальной еды неприятное чувство наконец оставило её. Только Катя с Германом всё раздумывали над странным поведением Светы, но предпочли пока не говорить об этом и просто последовали за ней. В том, что Света была в полном порядке, они не сомневались ни на минуту: слишком хорошо её знали. Подобные расспросы бесполезны — ответ будет один. Может, и вправду не выпалась.

На входе в уютное кафе ребята оживлённо перебирали детали историй пятилетней давности и посмеивались друг над другом, словно не было никакой эвакуации двадцать минут назад.

Устроившись на удобных мягких диванах, друзья принялись просматривать цветастое меню.

— Блины со скидкой! — спустя полминуты воодушевлённо воскликнул Герман, Катя вздрогнула от неожиданности и тут же бросила взгляд на ценник.

— Да ну, сегодня пируем!

Света тоже несказанно обрадовалась и искала глазами официанта, чтобы подзвать его к столику и сделать заказ, но, едва успев вскинуть руку, озадаченно застыла, впериw взгляд в двух вошедших мужчин.

На первый взгляд — самые обычные офисные работники. Двое в деловых костюмах с кожаными портфелями в руках на обеде зашли в ближайшее кафе, обсуждая свои рабочие вопросы. Не отрываясь от разговора, они устроились за столиком неподалёку от ребят. Единственное, что выделяло их в толпе, — волосы неестественного серого цвета. Света не могла понять, игра света это, или они действительно серые.

Похоже, странное чувство будет преследовать её весь оставшийся день: до неё всё никак не доходило, что заставляет её так пристально наблюдать за незнакомцами. Ей казалось, что если потеряет их из виду, тут же нарвётся на серьёзные проблемы.

Подозрительно щурясь, она всё продолжала на них смотреть. Катя, заметив странные перемены в Свете, обернулась, чтобы посмотреть, куда направлен её взгляд, и, не увидев никого, кроме двух мужчин в деловых костюмах, обратилась к ней:

— Что с тобой сегодня? Ты их знаешь?

— Нет. — Света лишь сильнее нахмурилась, глядя Кате за спину. — Эти двое не кажутся вам странными?

— Странными? — Герман вскользь окинул мужчин взглядом. — Да нет, обычные деловые люди.

Девушка уже была готова поверить, что превратилась в подозрительную старуху, как вдруг мужчины чуть заметно вздрогнули. Словно почувствовав её взгляд, оба одновременно уставились на девушку в ответ.

Та тоже едва не подскочила от неожиданности, а неизвестные, прервав беседу и ухмыльнувшись, странно переглянулись. На миг Свете показалось, что по их лицам пронеслась тень хищного оскала, но дожидаться доказательств не хотела. Просто поднялась со своего места, обращаясь к друзьям:

— Давайте в другое кафе, это уже малость наскучило.

Не дождавшись ответа, она направилась к выходу. Света смотрела прямо перед собой, будто и вовсе забыла про существование двух подозрительных мужчин. Те уже успели потерять к ней интерес и раскрыли рты, чтобы возобновить беседу, но в ту же секунду растерянно застыли. Переступая порог кафе, девушка через плечо бросила на них такой свирепый взгляд ярких янтарных глаз, что любой взрослый человек стушевался бы. Острые клинки зрачков будто впились в душу, выискивали в её глубинах самые грязные грехи, чтобы холодной сталью пронзить насквозь при первом же намёке на злой умысел.

Катя и Герман не заметили этого: всё так же растерянно переглядывались и вскочили, чтобы догнать Свету. За семь лет они уже успели убедиться, что к эмпатии Светы стоит прислушиваться: она с детства хорошо разбиралась в людях. Но никогда она без слов не бросала их вот так. Компания молча покинула кафе в сопровождении недоумённых взглядов двух офисных работников.

Кабинет освещал тусклый оранжевый свет лампы, аккуратно отодвинутой на край массивного стола. На улицах маленького городка вечерело, осеннее солнце сменилось почти идеально ровным серебряным диском луны. На дорогах по очереди загорались редко расставленные фонари. Свет от фар проезжающих мимо машин то и дело пролетал по увешанным картинами стенам и стеклянным дверцам высокого серванта, до предела заполненного антиквариатом: от старинной фарфоровой посуды до статуэток животных из чистого золота.

Из драгоценной массы выбивалась лишь миниатюра, давным-давно нарисованная не самым умелым художником. Он почти ничего не изобразил на холсте: только две круглые белые луны на ночном небе и тёмную морскую гладь. Мазки были наклеплены словно от балды, но миниатюра всё равно занимала своё место в дорогом серванте. Одному хозяину кабинета было известно, какова её цель здесь.

Он как раз закончил читать главу книги одного средневекового писателя и, неспешно поднявшись с дорогого кожаного кресла, поставил её обратно на одну из заставленных фолиантами книжных полок.

«Нигредо. Родится из пепла прошлого дитя, столетиями без цели скитавшееся. Однажды вороны выклевали его прежнюю плоть»

Молодым человеком мужчину мог бы назвать любой прохожий, но на самом деле молодым он не был уж точно. Внешне ему и правда не дашь больше двадцати пяти. Педантичного вида, высокий, широкоплечий, подтянутый, с идеально ровной осанкой, являющийся публике исключительно в деловых костюмах и с аккуратно уложенными серыми волосами — лишь несколько прядей закрывали холодные серые глаза. Он всегда держался уверенно и хладнокровно, но мало кому дозволено знать, сколько ему пришлось вытерпеть больше чем за полтора столетия своего существования.

Илларион Розенкрейц. Он жил только для того, чтобы исполнить свой долг.

Мужчина неспешно прошагал к широкому окну, блуждая взглядом полуприкрытых глаз по крышам домов. Когда-то он видел, как их фундаменты только начинали закладывать.

«Альбедо. Словно ото сна кошмарного проснётся на земле иной, ещё полтора столетия созерцать чужие судьбы будет, подобно лебедю из тёмной пещеры своей».

Всю жизнь Илларион посвятил подготовке к исполнению долга перед Отцом, к искуплению грехов, за которые прежде был изгнан. То, к чему он так невыносимо долго стремился, наконец восстановит истинный порядок вещей. Те, кому следует умереть, — умрут, а кому предначертано править, — воссядут на трон по справедливости. Такова была судьба этого мира.

Одним из ключевых звеньев замысла Иллариона была девушка, родители которой надолго спрятали дочь от его внимательного взора. Это мало помешало его планам, лишь добавило мороки: рано или поздно он всё равно нашёл бы её.

Он был обязан достать её хоть из-под земли.

«Цитринитас. Золотым орлом с небес сорвётся, глотку хватая добыче, что предкам своим в знак благодарности преподнесёт».

Света Козырева. Пятнадцать лет. Родилась пятнадцатого мая две тысячи пятого года в Новом Осколе. Воспитывалась Вениамином и Татьяной Козыревыми в Белгороде, семья уехала туда, когда девочке было два года. На след получилось выйти лишь спустя тринадцать лет.

Мирное предложение отдать Свету в руки организации не только не принесла плодов: череда роковых совпадений привела к трагедии, из-за которой Иллариону пришлось ждать тринадцать лет, прежде чем наконец приступить к завершающему этапу исполнения Пророчества.

«Рубедо. Выключает пеликан свои внутренности, предкам даруя. Установится истинный порядок вещей, Фениксом обретён Философский Камень будет».

На протяжении нескольких веков Отец бережно хранил тайну об этом Пророчестве, и кто бы мог подумать, что именно Иллариону выпадет честь сыграть значимую роль в его исполнении.

Вот только у одного и того же Пророчества оказалась *не одна* версия.

Размышления Иллариона прервал звонок. Он неторопливо вернулся к столу и поднял трубку. В просторном, богато обустроенном кабинете раздался бархатный голос:

— Слушаю.

— Босс, всё прошло как и должно. Печать ликвидирована, восстановление сил волчицы запущено.

— Хорошая работа. Что-то ещё?

— Нет, аномалий не выявлено. Только наши коллеги сообщили, что девчонка что-то почувствовала.

Илларион нахмурился.

— Что именно?

— Вы не подумайте, она не напала, и сами сотрудники не стали ничего предпринимать. Похоже, из-за ликвидации печати она интуитивно почувствовала в них что-то. Волчица с друзьями просто покинули кафе сразу после появления там наших коллег.

— Понял. Можете приступать к другим задачам.

— Принято. Хорошего вечера, босс.

Илларион растянулся в ухмылке. Сила, которая была запечатана в девушке тринадцать лет, настолько велика, что та сразу почувствовала скрытую в адептах энергию. Остаётся надеяться, что волчица своей мощью не превзойдёт самого Иллариона. В чём он, конечно, сильно сомневался. Но и расслабляться нельзя.

Основные действующие лица на сцене. Пора приступать к завершающей фазе Пророчества.

Света, Катя и Герман всё же решили, что ничего лучше домашней еды сегодня не съедят, поэтому просто пошли к Свете домой.

— О да, вкуснейший борщ дяди Вени!

Герман мечтательно зажмурился, уже предвкушая их с друзьями славную трапезу, Катя от его вида испытала ещё больший голод, чем прежде. Папа Светы — поистине шикарный повар.

— Не забудьте и мне хоть чуть-чуть оставить!

Света весело рассмеялась мечтательным выражениям лиц друзей, прищурился глаза и осклалив острые клыки в широкой улыбке.

— А помнишь, — начал Герман, — когда мы первый раз пришли к тебе в гости, ты опрокинула на пол целую кастрюлю...

— Нет, не было такого!

Теперь уже Катя с Германом рассмеялись под испепеляющим их взглядом Светы.

Так и добрались до нужной квартиры. Закрыв за собой входную дверь, ребята тут же закинули тяжёлые рюкзаки на полку в прихожей. Вениамин, отец Светы, уже вернулся с работы и с широкой улыбкой поприветствовал ребят. Те вежливо поздоровались в ответ.

— Привет, пап. Мы — обедать.

— Слава богу, вы в порядке. Хорошо, что всё обошлось, — с облегчением выдохнул он. Света уже давно позвонила ему и маме, объяснив, что случилось, но окончательно успокоиться он смог, лишь собственными глазами увидев ребят живыми и здоровыми. Ну а живых и здоровых нужно ещё и как следует накормить. — Борща как раз на троих хватит, бегите мыть руки, разогрею пока.

Уставшие и голодные ребята рванули от ванной до кухни, так же быстро рассевшись на табуретках вокруг стола, и в ожидании усталились на столь привлекательного вида кастрюлю домашнего борща на плите. Вениамин, помешивая на плите ароматное бурлящее блюдо, посмеялся и как бы между делом бросил:

— Света, только не забудь собрать вещи к приезду мамы.

Глава 2. Злой призрак

Из-за всей этой беготни Света напрочь забыла, что сегодня они с родителями уедут в Новый Оскол.

Она родилась там, но есть ли смысл возвращаться? Переехать они решили ещё полгода назад, но в глубине души она всё никак не могла принять это, потому и часто забывала, как нечто, что должно произойти не с ней и не здесь, вообще не имеет к ней никакого отношения.

Тринадцать лет назад семья уехала из маленького Нового Оскола в поисках работы получше. Там жили двадцать тысяч человек, а то и меньше, сильно не разгуляешься. В городке живут двоюродная сестра папы — Катерина, и её дочь, Амалия — двоюродная сестра Светы. Это всё, что Света знала о Новом Осколе. И близость к родственникам — единственная причина переезда, которую назвали родители.

Вокруг лес, маленькие дома, все друг друга знают и живут тихой размеренной жизнью. Только вот ради этой новой жизни Свете придётся прощаться с прошлой.

Перемены не пугали её. Тренер часто говорил, что каждое изменение в жизни — это шанс сделать большой шаг вперёд. Хоть и перемен в её жизни было не сказать, что много, тренер ещё никогда не ошибался.

Последнее подобное изменение в жизни Светы было, когда она поступила в школу. Хоть в одном классе со Светой и была пара знакомых из садика, большинство ребят она встретила впервые. С самого начала бойкую и громкую девочку восприняли как негласного лидера. Лидера докладных — уж точно.

Учителя ругали Свету и её сообщников (как называли их взрослые) столько раз, что она и не вспомнит точное число — сбилась на двадцатом. До похода к директору и вызова родителей в школу оставалось совсем немного, но до хулиганства ребята никогда не доходили. Просто учиться было так скучно, что детям не оставляли выбора! Попытки учительницы начальных классов вести уроки увлекательнее Света не оценила. Какое ей было дело до наклеек за хорошие оценки и примеров на красочных картинках? Сердце требовало активности в самом прямом значении этого слова!

Школьная Ёлка — мрак и бесполезный маскарад. Концерт на Девятое Мая — смертная скука, петь она ненавидела ещё больше, чем учиться. Кружки по интересам — да сдались они кому-то! Сами сравните вышивание крестиком под надзором учительницы труда в команде со странноватыми девочками и состязание в боксёрской секции. Конечно, Света выберет второе, драться было и легко и весело! Правда, слово «драться» ей не нравилось. В дворовых драках оно было уместным, но не в профессиональном спарринге. Скорее уж «сражаться» или что-то вроде того.

Хотя драться она тоже умела, и в своё время, сама того не зная, «отбила район» у малолетних преступников, если они вообще были достойны ими зваться.

В подробности она, как и всегда, впрочем, не вдавалась. Света лишь отдалённо представляла, что их район был некой территорией, на которой часто гуляет группа гоповатых подростков. А есть другие такие же территории: с точно такими же группами гоповатых подростков. У территорий есть «чёткие» границы, за которые одной группе не дозволено заходить. В противном случае группа ввяжется в конфликт, из-за которого нужно обязательно устраивать драку между всеми членами столкнувшихся групп. И всё это ради того, чтобы выяснить, чья же это теперь вообще территория.

Даже после беглого объяснения Германом этой системы Света не смогла понять, что значит «попутала рамсы», прогуливаясь по соседнему району, из-за чего её и вызвали на «махач», чтобы что-то там «порешать». Ещё и «чушпанкой» обозвали.

Короче говоря, следующим вечером она набила бока десятку пятнадцатилетних двоечников, используя все боксёрские и кикбоксёрские приёмы, которые знает.

Хотя, нет. На все бы их не хватило, уж больно хиленькие были: один лоу-кик — и противник лежит на земле, корчась от боли.

Когда первые трое мальчишек попадали на землю, держась за ногу, моля о пощаде и пытаясь отползти от Светы, она решила использовать на каждом из оставшихся разные приёмы. Иначе со скуки бы умерла отправлять всех в нокаут одним только ударом по ноге.

Она всё ещё помнила, как те семеро отшатнулись, увидев, с каким оскалом Света развернулась к ним и, хрустнув кулаками, начала приближаться. Парни были куда смелее маленьких хулиганов с детской площадки, даже попытались напасть в ответ и уклониться.

Спустя минуту все семеро точно так же корчились от боли на сыром асфальте и месили смешанные с грязью окурки. Света, не глядя на них, отряхнула чуть запачкавшиеся руки и, сунув руки в карманы, отправилась домой, досматривать фильм. Малолетние «преступники» лишь провожали взглядами её освещённый рыжими фонарями силуэт.

В секции последнее время дела шли неважно. Света, конечно, заработала много медалей за победы в самых разных соревнованиях и считалась чуть ли не лучшим бойцом за всю историю секции. Но никакие медали не спасут от финансовых проблем.

Год назад ближе к центру Белгорода открылась секция с ещё большим количеством мест, да и масштабом она значительно крупнее той, в которую Света ходила ещё со второго класса. Она была верна старому тренеру Алексею Викторовичу и его делу, ни под каким предлогом не согласилась бы перейти на вражескую сторону, но и здесь тренироваться больше не могла: их полностью сразило банкротство.

Вчера Света посетила последнюю тренировку. Сегодня секция закрылась навсегда.

Возможно, это знак судьбы, и теперь Света может со спокойной душой переехать в другой город, оставив прошлое позади. Конец любимой секции — не конец её личности. Друзья-боксёры не исчезнут, как и тренер. Всем им навсегда отведено место в сердце Светы. Особенно та самая фраза Алексея Викторовича, которую девочка услышала на первой тренировке. В тот же день она впервые проиграла.

«Не забудь улыбнуться перед тем, как ударить!»

«Даже если почувствуешь, что удар заблокируют, и отправят тебя в нокаут, всё равно ослепляй противника улыбкой! Спорту нюни не нужны».

Так начался её путь в боксе. Так же начнётся новая жизнь.

Что касалось Кати с Германом Их и правда связывало многое, даже больше, чем Свету и спорт. Всё-таки бокс был боксом только в здании секции, а друзья были друзьями везде и всегда.

Катя с Германом, услышав напоминание Вениамина, едва заметно поникли. Но, наученные духом Светы, воодушевлённо улыбнулись и повернулись к ней:

— В частном доме жить — просто сказка! Соседей нет, собственный сад есть, и места много.

— Везёт тебе, я бы тоже хотела в маленький город переехать. Слышала, там экология ещё лучше, чем у нас.

— Ага, и медведи из леса выходят ежедневно. Мечта, а не жизнь! — рассмеялась Света, приняв непринуждённый вид.

Это у неё всегда получалось хорошо. Друзья, поняли, что волноваться за Свету не придётся, засияли ещё больше. Она всю жизнь была сильной: физически, психологически — как угодно. Они и сами часто брали с неё пример, становились сильнее, видя, как сильна была Света.

Она тоже отлично понимала, что и когда чувствуют Катя и Герман. Они многое пережили вместе: волей-неволей научишься предсказывать реакцию друзей. Видя, что те не грустят о её

переезде, Света окончательно успокоилась и сама. Всё-таки она не в параллельный мир уезжает, сможет видаться с ними на выходных. Да и переписываться никто не запрещает. Нельзя позволить себе сломаться, впереди ещё много плохих и хороших историй, новых знакомых и друзей. Несколько километров — не причина для расстройств.

— Ты нам хоть пиши иногда, чтобы мы знали, что ты жива вообще, — пошутил Герман.

— Но если вдруг что — я, так уж и быть, понесу это бремя и приму на себя всё твоё наследство!

Катя театрально прикрыла глаза, смахивая со щеки невидимую слезу, Света коротко посмеялась и в шутку пихнула её в плечо. Герману тоже досталось, зря что ли рядом сидит и отмалчивается?

Пока раскладывали по коробкам вещи, Света, Катя и Герман несколько раз успели сыграть в настольные игры, закинутые на дно теперь почти пустого шкафа, не упустили из виду компьютерные, едва не забыв, чем занимались изначально. Кто бы мог подумать, что Катя и Герман своими руками будут собирать Свету в путь, чтобы потом так надолго попрощаться с ней. Управившись со всем, перебирали в телефонах забавные общие фотографии, чтобы так же надолго запомнить, как им было весело вместе. Сидя прямо на полу среди коробок в пустой комнате, все трое не могли избавиться от странного чувства, тягучими волнами разливающегося по груди и заставляющего сердце тоскливо трепетать.

В какой-то момент друзья одновременно замолчали, отложили игры с телефонами и просто уставились на темнеющее серое небо за окном, молча думая о своём.

Затянувшуюся тишину прервал громкий дверной звонок, заставив друзей подскочить от неожиданности. Они тут же вылетели из комнаты. Вениамин уже закрывал дверь, а в коридоре на ходу снимала пальто улыбчивая Татьяна Козырева, помахавшая ребятам, едва заметив их.

— Всем привет! У нас и помощники появились?

Катя с Германом хором поприветствовали Татьяну, Света решила обойтись лёгкой улыбкой и просто помахать. К тому времени мама уже сменила фокус и оживлённо обсуждала с Вениамином, куда и сколько коробок с вещами грузить. С её приходом запустение, тоска и тревога в доме моментально растворились, а женщина с воодушевлением принялась грузить всех работой, не оставив ни малейшей возможности даже думать о чём-то плохом. С такими людьми, как Татьяна, и тяжёлая работа в радость.

Чуть менее счастливым ощущал себя впоследствии папа: мама посчитала его самым несчастным в доме и за последние десять минут был вынужден поручила перетаскать каких-то пару десятков тяжёлых коробок. Под надзором мамы небольшая вместимость машины прекрасно компенсировалась умением всё хорошенько утрамбовать: она заставила мужа играть в тетрис в реальной жизни. А тот всё беспокоился, сможет ли авто теперь вообще сдвинуться с места.

Детям поручили стоять смирно и не мешаться под ногами, несмотря на все их просьбы хоть как-то облегчить ношу Вениамина. Тот будто и рад был, то кряхтел от тяжести, то хохотал над шутками жены. Света только качала головой и грустила: могла сейчас таскать коробки вместе с папой и заодно тренироваться.

Квартира опустела, родители суетились над машиной, а троица неловко топталась неподалёку. Света первая решила попрощаться, всё равно рано или поздно это нужно сделать.

— Ну, вроде всё. — Она обернулась к друзьям, всматриваясь в их обеспокоенные лица.

— Вы так смотрите, будто разрыдаться готовы.

— Конечно, не каждый день своих детей приходится в тяжёлую взрослую жизнь провожать

Катя вновь смахнула невидимую слезу, шмыгнув. Герман подхватил:

— Чем бы дитя ни тешилось...

— Нет! Стоп! Я правда буду в порядке, серьёзно

— Никто и не сомневается. — Он похлопал Свету по плечу, но от этого ей ещё меньше хотелось ему верить. — Уж кто-кто, а ты там в первые же секунды замену нам найдёшь.

— Да о чём ты вообще? — Света посерьёзела. — Друзей может быть много, но вы от этого менее ценными для меня не станете. Я, конечно, не отрицаю, что хорошенько позабочусь об этом...

— Только посмотри, как она нам верна!

Катя с Германом, хихикая, переглянулись. До Светы только потом дошло, что они продолжают стебаться над ней. Она уже почти придумала гениальную ответную шутку, но теперь посерьёзтели уже друзья.

— Не обижайся. Просто мы подумали, что ты нас побьёшь, если мы тут разрыдаемся.

— Хоть и очень хочется, — продолжила за Германа Катя, шмыгнув уже по-настоящему.

— Света! Закругляйтесь там!

— Ну, теперь точно пора, — выдохнула Света и раскинула руки, чтобы обнять друзей.

В этот раз они обнимались дольше, чем в любой другой. Рукой Света ощущала, как едва заметно подрагивают плечи Кати.

Прогулки после школы, списывание контрольных, вечерние посиделки, ночёвки и обсуждение совместно просмотренных фильмов — всего этого было так много, что не назвать точную цифру. Будь этих воспоминаний хоть миллион, каждое из них ценно по-своему. Так пусть эти ценности хранятся в памяти всех троих, ни на минуту не забудутся, но оставят место новым, таким же бесценным.

Тяжело вздохнув, Света первая отстранилась, друзья тоже решили больше не затягивать и, наконец, попрощались. Покидая город, в котором прожила тринадцать лет, Света махала тепло улыбающимся Кате и Герману, высовываясь из открытого окна автомобиля под шуточные ворчания мамы.

Ничего ещё не заканчивается.

Всё только начинается.

Света развлекала себя видами за окном автомобиля. Как только городской шум затих далеко позади, девушку начало клонить в сон.

Что она вообще знала про Новый Оскол? Там жили её родители, там родилась Света. Вот только чем родители занимались там до переезда, она не знала до сих пор. Может, оттого, что рассказывать было нечего? Или за этим кроется что-то большее?

Мама всегда была бойкой и жизнерадостной, каждый день проживала как последний. Она всегда была в движении и просто не давала себе времени на то, чтобы лишний раз поразмышлять о чём-то вроде навсегда оставшихся в прошлом вещах. В общем, жила сам что ни на есть настоящим. Папа же был достаточно сложной личностью, по крайней мере для Светы.

Он был не менее оптимистичным, чем мама, любил свою работу и уделял время хобби — готовил выпечку на работе и дома на заказ. Он поистине горел этим. Но порой, вскользь поглядывая на отца, Света не могла избавиться от чувства, что от чего-то когда-то он всё же выгорел.

Бывало, на выходных семья отправлялась в центр города, чтобы всем вместе весело провести время. Как это часто бывает, разговор заходил о воспоминаниях и прошлом в целом. Мама шутила, ностальгировала по их с папой молодости, рассказывала интересные истории Свете, со смехом похлопывая по плечу мужа, когда выдавался шанс пошутить. Иногда папа на миг едва заметно замирал, глаза его теряли блеск, и улыбка на лице застывала, но тут же он словно пробуждался ото сна, смеясь вместе с Татьяной и ласково хлопая дочь по голове.

Долгое время Света думала, что ей казалось, но чем взрослее становилась, тем лучше ощущала чувства людей. Даже те, что они пытались скрыть или делали это неосознанно.

В иной раз она незаметно наблюдала за папой, пока тот не спеша перемещался по кухне, гремел посудой и жужжал миксером. Готовя, он всегда улыбался, но что-то в глубине его взгляда не давало Свете покоя. Надень он маску, она ни за что не поняла бы, что он улыбается.

Он словно скорбел по кому-то.

Света не могла понять, почему так думает. Подсознание кричало ей что-то, но она будто не могла разобрать ни слова. Может, отец и сам не помнил причину своей скорби, но чувства от этого никуда не делись. Однажды Катя рассказывала, что человек может утратить травмирующее воспоминание и не знать об этом. Но что же это было за воспоминание, так надолго запечатанное в памяти отца?

Света вздохнула и прикрыла глаза. Сколько об этом ни думай, чтобы узнать правду, нужно спросить папу лично. А пока родители радуются переезду, она будет радоваться вместе с ними. Света погрузилась в дрему, чтобы скрасить ожидание.

Огонь. Море огня. Вокруг и внутри. Он пылает одновременно повсюду. Преследует, догоняет, пожирает тело, внутренности. Душу.

Огромные столбы пламени. Слева. Справа. Спереди. Сзади. Везде. Трещат и воют. Плачут и рычат. Выбраться не получится. Он уже внутри, он не погаснет, пока не сожжёт полностью. Не оставит и частички.

Не погаснет.

Не потушится.

Он сожжёт всё.

Страх. Паника. Безысходность. Нестерпимый жар. Боль. Ужас. Немой плач. Испаряющиеся слезы. Они его не потушат.

Смерть.

Повсюду крики, не понять чьи: твои или чужие. Крики боли, агония или зов спасителя. Уже неважно. Ты *уже* горишь. Тебя *уже* не спасти.

Света не двигалась. Кто-то крепко держал её на руках, прижимал к себе. Дышать тоже было нельзя — заметят и заберут навсегда. Она не знала куда, но помнила: *там* уже не будет ничего. Кроме боли, страданий, а потом и смерти.

Когда неизвестный человек с ребёнком на руках выбежал из тёмного, сырого леса, Света, наконец, немного успокоилась. Вдалеке уже не виден свет всепожирающего пламени, она уже может вдохнуть. Совсем немного, бесшумно. Впустить в лёгкие хоть каплю кислорода. Нельзя, чтобы их услышали.

Человек не обращал внимания на собственное, уже давно сбившееся дыхание. Он вдруг остановился и постучал в дверь. Она скрипнула. Кто-то взволнованно спросил, что случилось, почему они с девочкой покрыты копотью. Быстрый, но чёткий ответ. Света теперь будет надолго спрятана, а человек сбежит куда-то навсегда.

Девочку передали в чужие руки, она оглянулась. Человеком была женщина с красивыми длинными чёрными волосами, их не испортил даже пожар. Дверь перед ней закрывалась. Рассмотреть лицо не получится.

Теперь уже никогда.

Света проснулась от резкого толчка: машина подскочила на кочке, а папа за рулём лишь устало выдохнул. Татьяна хихикнула и заверила, что дальше кочек будет ещё больше.

Света уснула от силы на пятнадцать минут, но ей уже успел присниться кошмар. К тому же настолько реалистичный. Ей вообще редко что-то снилось, только утром в полусонном бреду под звуки будильника видела череду несвязных сцен, больше похожих на фантазии сумасшедшего. Эти образы тоже не особо не имели смысла, но почему-то от них стало так неприятно и тяжело. Света на секунду подумала, что её ударили по затылку чем-то тяжёлым и плоским

час назад, а она теперь чувствовала фантомную боль. Но болел не только затылок — что-то в груди. Сдавливало рёбра изнутри, не давая нормально вдохнуть.

Так впечатлил вид дыма в школе? Она уже устала думать над этим. Быть не может, что её это хоть сколько-то напугало. Единственное, о чём она думала в тот момент: почему пожар не распространяется. Никакой тревоги и тем более — страха.

Найти иную причину тоже не вышло. Любовью к философии Света никогда не отличалась, просто ехать неподвижно в машине было настолько скучно, что пришлось идти на крайние меры. Она могла бы и послушать музыку в наушниках, но спустя пять минут с начала дороги поняла, что забыла зарядить телефон. Это, пожалуй, было самым трагичным, похуже кошмаров. Пришлось весь путь слушать однообразные песни по радио, которые так обожал папа. При всей любви к родителям — их вкус в музыке был для Светы совсем уж чуждым.

Она окончательно отчаялась и уже хотела перейти к стадии, на которой будет каждые пять минут спрашивать, скоро ли они приедут, но всё обошлось. Раздался воодушевлённый голос папы:

— Почти на месте! Сейчас только заправимся. Можешь себе купить что-нибудь перекусить. До ужина ещё как до луны.

Спустя пять минут.

Они ещё не успели въехать на территорию Нового Оскола, а минусы его маленькости начали проявляться уже сейчас.

Как только они зашли в зону обслуживания, мама увидела за стойкой свою давнюю знакомую, с которой не виделась уже много лет. Папа тоже её узнал. Глядя, как трое смеются, вспоминая школьные годы, Света улыбнулась и обречённо покачала головой. Разговор этот будет продолжаться ещё очень долго.

Света на их месте поступила бы так же, общительностью она пошла в родителей, если не превзошла их в этом. Просто добраться до нового дома хотелось уже нестерпимо сильно. Но мешать родителям общаться с друзьями она не могла. Заплатив за пачку чипсов, вернулась на свежий воздух и не спеша хрустела, оглядывая местный пейзаж.

Вид портили только тучи. Осенний лес окружал заправку недалеко от города, машины проезжали редко. Не построили бы здесь заправку — экология была бы на высшем уровне. Потому Света решила устранить пункт «заправка» и просто пойти гулять в лес. Она не была из тех, кто заранее обдумает, безопасно ли это. Ей хотелось прогуляться по лесу с пачкой чипсов в руках, разве было в этом что-то плохое?

Вот только чем дальше она забредала, тем менее красочным становился пейзаж.

Поначалу она и впрямь наслаждалась здешней атмосферой. Всё вокруг жёлто-красное, листва на верхушках деревьев шелестела на ветру, неторопливо покачиваясь туда-сюда. Ноги прямо утопали в листьях. Под деревьями местами виднелись такие аппетитно выглядящие грибы, что Света голодно облизывалась, одёргивая себя чипсами. Мало ли как выглядели ядовитые.

Сквозь верхушки дубов виднелось серое пасмурное небо, но дождь всё не шёл. Ни жарко, ни холодно не было. Пели птички, провожая солнце, что уже совсем скоро скроется за горизонтом.

Всё более тусклой становилась листва, ноги всё чаще чавкали в прохладной влажной земле. Звуки начали утихать, постепенно сменяясь неестественной тишиной, заставлявшей невольно вслушиваться в каждый редкий шорох. Стало холодно, темно и сыро. Не дул ветер, не пели птицы. Небо непрестанно темнело, в сгущающейся тьме с каждым шагом разглядеть что-то становилось всё тяжелее. Вокруг ни движения. Даже муравьи, казалось, перестали суетиться под ногами. Из всех живых существ остались только деревья и Света. Из всех звуков — её шаги и едва слышное дыхание. Но чем дальше она шла, тем громче оно эхом отражалось прямо

в мозге. Тишина вокруг окончательно превратилась в раздражающий звон, пробирающий до мурашек.

В какой-то момент она остановилась и огляделась. Шаги стихли, фоновый звон исчез. Теперь тишина из оглушающей сделалась загробной.

Вечер только начинался, ещё не стемнело окончательно, чтобы Света не различала вообще ничего, но понять, что видит перед собой, могла с трудом. Она прекрасно помнила дорогу, по которой шла, и точно знала, что не заблудится. Но чем дольше вглядывалась во тьму между сотнями одинаковых ровных стволов, тем больше сомневалась в том, что доберётся обратно на собственных двух.

Эта тьма была со всех сторон. Слева, справа — везде одинаковая. Не понять, в каком направлении и как далеко в этой тьме встретится хоть что-то, кроме деревьев. А может, будет лучше, если этого «чего-то» не будет? Почему-то верилось, что это может быть что угодно...

Минута. Две. Три. Света всё стояла на месте, оглядывалась и пыталась высмотреть в дали, сама не зная что. Ни звука. Ни движения. Ничего. Только темнота. И с каждой минутой она всё продолжала сгущаться.

Света подумала, что если простоит так и дальше — точно сойдёт с ума. Не от страха, а просто потому, что стоит и не двигается. Ну, в самом деле, если зашла так далеко, зачем отступать? Она просто прошагала дальше. И вдруг подумала: она просто обязана найти «что-то» в этой темноте.

Деревья, тьма, деревья, тьма. Она шла от заправки всего десять минут, а по ощущениям пробыла в лесу вечность. Уже действительно подумывала развернуться и уйти, но тут же передумала. Впереди тьма обрывалась. Выход из леса!

И огромный, когда-то давно сгоревший, двухэтажный особняк!!!

Здание почти не разрушилось: только некоторые стены и окна чуть треснули, выпала пара стёкол. Единственное, что дом отличало от простого заброшенного — он весь был покрыт копотью. Всё остальное, на вид, было целым и даже безопасным. Это ж идеальная заброшка!

Подумала Света и вспомнила о клятве, данной Гордею. С другой стороны как он вообще узнает об этом? Она здесь совершенно одна, подумаешь, один раз не сдержалась.

Забыв обо всём на свете и азартно оскалившись, она рывком кинулась вперёд, и тут же едва не упала, впечатавшись носом в землю.

Тишина вокруг исчезла. А в лесу вдруг раздался...

Чей-то шёпот!

Света застыла, чувствуя, как холодеют руки. Шёпот явно не человеческий, он шелестел одновременно со всех сторон. Врезался в слух ледяной сосулькой, заставляя в оцепенении дрожать то ли от страха, то ли от пронзившего душу мороза. И одновременно с шёпотом вокруг сгустился неведь откуда взявшийся туман.

Вот теперь Света всерьёз боялась не то что обернуться, даже двинуться. Её трясло и от холода, и от страха. Неведение заставляло тело покрываться мурашками и обливаться холодным потом.

Что это, чёрт возьми?! Куда бежать? В заброшку? Обратно в лес, чтобы окончательно заблудиться там в панике? Куда?!

Гулкий и частый стук сердца оглушал, адреналин кричал бежать хоть куда-нибудь, лишь бы подальше от этого места. В голове ни одной ясной мысли, только хаос. Как вообще можно было здраво мыслить, когда в одном ухе бьётся в агонии собственное сердце, а в другом сводит с ума жуткий призрачный шёпот?

Вот и Света не мыслила — просто в отчаянии прерывисто обернулась. И тут же рефлекторно отпрыгнула назад. Зацепилась за корягу, неловко, едва ли не впервые в жизни упала и в панике отползла в сторону. Даже не заметила, как шёпот стих. Все звуки окончательно перебил стук бешено колотящегося сердца.

Перед ней стояла женщина. Полы её чёрного плаща бледнели, растворяясь к земле. Света медленно подняла глаза, чтобы увидеть её лицо, или, по крайней мере, то, что обычно находится на его месте. Но там ничего не было. Просто чёрное пятно, тёмная масса, и ни намёка на черты. Из-под капюшона на плечи падали длинные чёрные волосы, больше напоминавшие покрытую копотью солому. Такая же чёрная, как сгоревший дом. Наверняка оттуда и вышла.

Будто ситуация и без того не страшная, женщина, не произнеся ни звука, начала двигаться прямо к Свете!

Вот и всё Она так и умрёт с застывшим на лице ужасом. Родители начнут её искать и подумают, что дочь умерла от сердечного приступа, не доехав до нового дома. А Катя и Герман всю жизнь будут винить себя за то, что отпустили подругу в Новый Оскол, ведь именно по пути туда её не стало.

Она прошла все стадии принятия неизбежного: от отрицания до самого принятия. Сглотнула, широко распахнула глаза, чтобы с гордостью принять свою смерть, и вперила яростный взгляд в чёрную фигуру. Призрак уже почти вплотную приблизился к Свете и...

Прошёл мимо, продолжая двигаться вперёд.

Едва заметный ветерок всколыхнул её чёлку, пока сбоку, будто не замечая Свету, пролетал чёрный силуэт.

То есть вот так?

У Светы успела пролететь перед глазами вся жизнь, она вспомнила родителей, друзей, одноклассников, тренера, знакомых из секции, гопников с соседнего района, проработала все незакрытые гештальты, вспомнила все известные ей математические формулы из курса пятого класса и Марию Фёдоровну, а призрак просто...

Прошел мимо?..

Света едва не задохнулась от возмущения.

А ну возвращайся, и мы поговорим по-взрослому!!!

Благо призрак двигался небыстро, и Свете не придётся его догонять. Она медленно поднялась и выпрямилась, сжимая кулаки.

— Эй, — низким голосом проговорила она, оборачиваясь. Медленно качнула головой и исподлобья уставилась на него. Во взгляде не осталось и тени страха, вернулась прежняя суровость, а радужки, казалось, светились во мраке яркими янтарными огнями. — Ты, кажется, что-то сказать хотела? Говори громче, я твой шёпот не разобрала!

Женщина, казалось, заинтересовалась. Медленно обернулась, всё так же не двигаясь с места. Но в тот же миг сделала шаг назад и исчезла, растворившись в воздухе.

Туман пропал вместе с ней, Света осталась в одиночестве стоять посреди леса, вернувшего все звуки, запахи и цвета. Вновь листья пожелтели, воздух стал легче, ветер шуршал где-то высоко, а вдалеке чирикали птички. В нос ударил запах хвои и сырой земли.

Да быть не может Просто сбежала? Света так и застыла, не двигаясь ещё с минуту, с выражением крайней степени шока и возмущения на лице. Даже рот сам открылся, а глаза сощурились. И зачем было так пугать, если всё равно собиралась смотаться?! Очень гостеприимно. Такие, значит, местные жители в Новом Осколе? Увлекательно, однако...

Делать в лесу больше было нечего: природу оценила, заброшку нашла, с местными познакомилась. Можно вообще уезжать обратно, теперь в этой жизни она уже точно видела всё. Даже больше, чем нужно.

Света развернулась, чтобы пробежаться обратно, но снова замерла, заметив на земле кое-что странное: яркое пятно, неестественно выбивавшееся из общей цветовой гаммы. Вперемешку с грязью и опавшими листьями там лежал...

Её пакет чипсов! И каждая чипсинка до единой вывалилась наружу и смешалась с землёй!!!

Ноги подкосились, Света на четвереньках упала перед так прискорбно скончавшейся пачкой чипсов, купленной на деньги, честно заработанные её родителями. Плаксивая так зазря потерянную жизнь, она проклинала всеми известными и неизвестными ей словами призрак женщины, который теперь даже при желании оплатить нанесённый ей ущерб не сможет!

Глава 3. Какие ещё оборотни???

Изначально путь до заброшки длился около пятнадцати минут, но Света решила сэкономить время и в этот раз добраться бегом. Поэтому спустя пять минут уже вновь стояла возле зоны обслуживания.

К тому моменту родители ещё не закончили разговор с одноклассницей Татьяны и не успели заметить отсутствия дочери. Понять, что она чуть ли не сражалась в лесу с призраком, можно было, только внимательно приглядевшись и обнаружив, что её одежда в некоторых местах была испачкана землёй. Хотя нет... Света опустила глаза на обувь: на месте родителей она бы подумала, что дочь успела погулять по болоту.

Но даже если бы они поняли, что та решила пройтись по незнакомому лесу, не удивились бы и не задали никаких вопросов – подобное случалось не впервые. Поэтому задумываться о своём внешнем виде Света больше не стала.

И вот наконец на выходе показались Татьяна с Вениамином, и семья, вернувшись в машину, отправилась дальше.

Поначалу Новый Оскол действительно был больше похож на деревню, чем на город. Вдоль дороги хаотично расставлены одноэтажные домики: в таких обычно живёт бабушка, которая ухаживает за любимыми курами и летом зовёт в гости внуков, чтобы накормить вкусными румяными пирожками.

От домов веяло деревенским уютом, даже осень на какое-то время стала ощущаться как летние каникулы. Особенно когда тучи стали не спеша расходиться, оставляя место яркому закатному небу, а лучи на треть зашедшего за горизонт солнца золотыми прожекторами встречали новых жителей городка.

Ближе к центру возвышались двухэтажные жилые дома, так что деревня переросла в посёлок.

На площадках во дворах резвились дети. На крыльце одного из деревянных зданий сидела закутанная в шаль бабуля, поглаживая разлёгшегося на коленях чёрного кота. Один из мальчишек подбежал к ней, чтобы что-то спросить, и, дождавшись тёплой улыбки на добром морщинистом лице, с весёлым криком поскакал обратно к друзьям, чтобы сообщить радостную новость.

С самого въезда, даже в центре города, между домов росло столько деревьев, что Света, глядя на это, невольно задумалась, как же всё-таки здесь, наверное, хорошо жить. Весь Новый Оскол окружал лес, но и внутри связь с природой не терялась. Никаких тебе серых коробок небоскрёбов, не дающих друг другу даже краем глаза взглянуть на солнце, никаких сплошных бесцветных тротуаров без намёка на зелень, как в больших городах.

В Белгороде с этим тоже проблем не много, но всё же в Новом Осколе не было того огромного количества высоток: только в центре изредка встречались пятиэтажки, но и те были окружены таким цветущим двором, что дом словно стоял в центре парка. Зелёных оттенков было значительно больше, чем серых, уже так привычных глазу.

Повсюду царил тёплая атмосфера, на первый взгляд уж точно. Школьники с рюкзаками за плечами, возвращающиеся домой с уроков, выбегали из пекарни с довольными улыбками и тёплыми булочками в руках. Даже издали Света видела, насколько они были свежими. Их буквально только что достали из печи: от изделий исходил лёгкий пар. Пока машина стояла в ожидании зелёного сигнала светофора, Света была вынуждена пускать слюни, глядя на это. Тут же вспомнилась скоропостижно скончавшаяся наполовину полная пачка чипсов...

На дорогах было довольно много машин для маленького города, но это и неудивительно – сейчас был час пик. Поэтому ещё десять минут машина Козыревых потратила только на то, чтобы преодолеть центр города и наконец подъехать к дому.

Он не выделялся среди прочих и слишком гармонично вписывался в общий пейзаж, чтобы Света с первого взгляда поняла, что вот оно – то самое место, добираясь до которого они проделали такой тернистый путь.

Такой же дом, как множество других вокруг: одноэтажный, с чердаком, небольшим двором, деревянным забором и маленькой калиткой. Но от этого дом не терял своего очарования. В глубине души Света всегда хотела жить в таком маленьком компактном домике, без соседей в паре метров от себя и с собственным садом, – размер уж точно был неважен.

Едва Вениамин успел припарковать машину рядом с калиткой, как та чуть не слетела с петель, пропуская летящую напролом фигуру. Звонкий девичий голос тут же раздался над округой:

– Наконец-то вы здесь! Я так рада вас видеть!

– А-э... Привет!

Стоило Свете, вылезая из машины, выпрямиться и на ходу ответить на приветствие неизвестно кому, как ей на шею бросилась девушка. Она и краем глаза не успела её оглядеть. И теперь в замешательстве задыхалась от крепких объятий, неловко похлопывая её по спине в ответ.

Но как только та отстранилась и уставилась на Свету с самой доброй и искренней улыбкой, которую она когда-либо видела, до Светы дошло, что это Амалия Баюнова – её двоюродная сестра.

Родители рассказывали, что они с Катериной согласились всячески помогать с переездом и первые подали эту идею. Но такая внезапность всё же удивляла.

Баюновы настаивали на том, чтобы помочь родственникам с оставшимся ремонтом, установкой недостающей мебели и всеми прочими вопросами обустройства жилища. И сейчас встретили их, чтобы сразу же приступить к делу и как можно скорее поужинать вместе.

У калитки показалась Катерина, чуть менее активная женщина, чем её дочь, и теперь Света могла оценить, насколько те были друг на друга похожи.

Они действительно были одинаковыми.

Обе среднего роста, с густыми каштановыми волосами и зелёными глазами, особенно яркими и красивыми на золотом закатном свете. У обеих с лица никогда не сходила тёплая приветливая улыбка, разве что у Катерины она моментами смешивалась с наглостью, присутствующей всем журналистам. Амалия же искренне по-доброму относилась ко всем, кого видела. Сейчас их можно было отличить лишь по одному признаку: волосы Амалии были закреплены двумя высокими хвостами, придающими детскую непосредственность, а на лоб падала аккуратно уложенная чёлка, разделённая пробором. У Катерины волосы были коротко постриженными, но от этого не менее густыми.

Все мягкие черты лица Амалии, приправленные румянцем, указывали на искренность и доброжелательность. С самого детства она привыкла не только отвечать двойным добром на добро, но и помогать просто так, безвозмездно. Она могла подружиться с кем угодно. Мало кто мог бы сопротивляться этому милейшему созданию, разве что последний кретин.

Она весело хихикнула, увидев, как взгляд Светы потеплел, когда та узнала сестру, и протянула руку с широко расставленными изящными пальцами:

– Представимся официально. Я – Амалия!

– Света.

Света широко улыбнулась, щуя глаза, и охотно пожала Амалии руку, но не могла отделаться от мысли, как же по-детски выглядело это рукопожатие.

Она не была против, даже наоборот. Нечасто встретишь такую искреннюю открытость. Все её прошлые знакомые на фоне Амалии теперь выглядели угрюмыми и уставшими от жизни занудами.

В метре от девушек родители Светы и Катерина, весело, не стесняясь громкостью объявлять всему району о долгожданной встрече, уже обсуждали поездку и всё, что ей предшествовало. Но даже звонкий смех Татьяны и Катерины перебил ещё более громкий звук: у Светы вдруг заурчало в животе.

Все трое тут же притихли и обернулись, поставив её в несколько неловкое положение. Амалия не хотела смущать сестру, с которой только что первый раз увиделась, да и не знала, как легко она вообще смущается, поэтому на всякий случай поспешила успокоить:

– Какая ты голодная! Но мы скоро приготовим ужин, потерпеть осталось недолго.

– А вот и нет, мы забыли купить продукты, – тут же оборвала её Катерина, всё также приветливо улыбаясь. – Придётся потерпеть чуть дольше.

– Или сходить в магазин!

– Ты же хотела разобрать хлам на чердаке.

– А я не говорила, что мы этого не сделаем!

– Мы? – машинально переспросила Света.

Всю жизнь она была уверена, что самым активным человеком, которого она знает, была она сама, но, похоже, сильно ошибалась. Света вообще не успевала за этими двумя: подумала, что просто забыла проснуться, когда уснула в машине, и теперь дезориентирована.

– Тогда мы побежали, а вы пока чердак без нас не трогайте!

– Хорошо-хорошо, бегите. – Катерина помахала сёстрам, а Амалия уже схватила Свету, всё ещё пребывающую в замешательстве, и потащила её в сторону продуктового. – Только сестру разбуди уже наконец!

От этой реплики Света всё-таки проснулась. И тут же с азартной улыбкой глянула на Амалию:

– Где, говоришь, магазин?

– Нужно повернуть на ближайшем перекрёстке налево и пройти вперёд ещё пять минут. Не беспокойся, со мной ты не потеряешься!

– Почему это я должна беспокоиться? – Амалия озадаченно уставилась на Свету, вскинув брови. – Попробуй-ка сама меня догони!

И как по команде, обе без лишних слов побежали наперегонки до магазина. Как же Света была несказанно этому рада! Амалия тоже из спортивных!

Пока та весело смеялась, не уступая Свете в скорости, Света смеялась мысленно: сейчас они определят, кто тут настоящий спортсмен!

На повороте, в то время как Света ловко затормозила и, не теряя темпа, рванула дальше, Амалия заскользила подошвами кроссовок по земле, поднимая целые облака пыли и песка. Подобно кошке, пытающейся поймать лазерную указку, она от скорости не вписалась в поворот. Но лишь на миг замерла, восхищаясь ловкостью Светы, и с блеском в глазах наблюдая, как та, обернувшись, машет рукой уже далеко впереди. Отставать и сдаваться так быстро Амалия не собиралась, поэтому вновь сорвалась с места и ускорила.

Так они преодолели путь за минуту и, почти не запыхавшись, одновременно влетели в открытые автоматически раздвигающиеся двери. Проходящей мимо бабуле оставалось лишь в ступоре застыть на месте, когда в сантиметрах от неё пронеслись две расплывчатые тени.

– Тоже спортом занимаешься? – спросила Света, когда сёстры уже шли с тележкой между стеллажей.

– Не так уж профессионально, – ответила Амалия, неловко почёсывая затылок. – Всё-таки в беге я точно хуже тебя. Каждый день делаю зарядку и бегаю по утрам, только и всего.

– Даже это похвально. Теперь будем бегать вместе!

По просьбе Амалии Света рассказывала обо всём опыте нахождения в спортивных секциях, широко улыбаясь от приятной ностальгии, пока они не вышли из магазина с четырьмя большими пакетами, полными полезной и не слишком еды. Этим всем Вениамину предстояло

как минимум неделю пытаться прокормить семью, теперь включая Амалию с Катериной, которые на время ремонта переехали к Козыревым.

– Значит, ты профессионал в боксе. Покажешь пару приёмов?

– Конечно! – Света гордо улыбнулась и вскинула подбородок. Наконец-то выпал шанс похвастаться этим перед кем-то. Не будь пакетов, точно расставила бы руки по бокам или встала бы в стойку. – Могу даже научить.

– Класс! Правда, не знаю, где смогу применить такой специфичный навык...

Так и шли до дома, оживлённо обсуждая всё, что взбрѣдет в голову. С темы на тему прыгали чаще, чем баскетбольный мяч отскакивает от пола во время матча. Не описать, как Света была рада, что с сестрой оказалось так легко подружиться, и теперь жалела, что они не были знакомы с рождения.

Амалия тоже кратко поведала, чем занималась до приезда Светы. В основном проводила время с друзьями, коих было трое близких и ещё много других; в свободное время изучала историю, программирование и, как ни странно... эзотерику.

Обо всѣм этом Амалия рассказывала так быстро и бегло, что Свете начало казаться, будто она в какой-то момент просто перестала воспринимать человеческую речь и что-то не так слышала, но, когда переспросила, сестра перечислила ровно то же самое, только с чуть изменѣнной формулировкой.

В общем, Амалия как личность была крайне активной, общительной и разносторонней. Иногда даже слишком, но Света, разумеется, это за минус не считала. И как Амалия только успевала уделять время всему этому... Свете стоило бы поучиться.

Уже войдя в дом и наблюдая, как мама раскладывает продукты по полкам холодильника, ругая соотношение чипсов к полезной еде, Света вспомнила, насколько была голодна всё это время.

Пришлось пока забыть о голоде: ужин ещё нужно приготовить, а это дело небыстрое. Пока Вениамин трудился на кухне, сѣстры немедленно взобрались по крутой лестнице на чердак, чтобы выбросить оттуда ненужный хлам.

Как же его было много...

Во всех комнатах на первом этаже был сделан чистовой ремонт и расставлена почти вся необходимая мебель, поэтому пустым дом нельзя было назвать уже на этом этапе. Но мансарда (называемая не желающей разбираться во всяких формальностях Светой чердаком), на которой девушку и было принято решение поселить, пока оставляла желать лучшего. И если не решить эту проблему до ночи, придѣтся ночевать на неудобном диване в гостиной.

Прошлые жильцы, по всей видимости, видели в мансарде склад для всего хлама в доме, и скидывали сюда все коробки и прочие вещи, которые оставляли до лучших времѣн. Но жильцы уехали, а лучшие времена так и не настали, и теперь Света с Амалией были вынуждены сами находить применение всему этому добру.

На первый взгляд оставалось только без разбору выбросить абсолютно все ненужные и к тому же чужие вещи. Но так было бы только при условии, что чердак разбирали самые обычные среднестатистические девушки, не страдающие излишней любовью ко всему старому и заброшенному. Тому, что нашѣлся человек с похожими интересами, Света и Амалия были рады даже больше, чем возможности покопаться в хламе.

– Предлагаю соревнование! – вдруг воскликнула Амалия, да так резко, что Света подскочила от неожиданности.

– ???

– Видишь длинную доску на полу? Ею как будто специально разделили чердак на две половины. Я буду сортировать эту, а ты – другую. Когда всё разберем и выкинем коробки, выясним, кто нашел больше всякого интересного старья.

– Прекрасная идея, мне нравится!

И, не сговариваясь, со скоростью, едва уловимой для глаза, они принялись метаться от коробки к коробке и от шкафчика к шкафчику, до того счастливые, что не замечали клубы пыли, которые поднимали в процессе. В какой-то момент всё же пришлось отвлечься и открыть окна, потому что дышать стало совсем нечем.

Время шло небыстро, но девушкам это было только на руку: это означало, что они укладываются и закончат с уборкой как раз до ночи. Спустя час, когда Вениамин позвал их на ужин, было отсортировано чуть меньше половины. Спускаясь на кухню, сёстры заодно вынесли целую гору коробок и хлама, оказавшегося неинтересным мусором. А за ужином все пятеро оживлённо беседовали на бытовые темы. Свете вновь пришлось рассказывать о спортивных секциях – в этот раз для Катерины, но выслушать похвалу она всегда не прочь.

Так, спустя еще два часа, чердак стал походить на более-менее пригодную для жилья комнату, а на полу остались только две большие коробки, в которые девушки спрятали все находки, чтобы не портить друг другу интригу. Свете уже не терпелось достать свой главный козырь, припасённый напоследок. Сёстры, в предвкушении потирая руки, расселись по двум сторонам найденного старого журнального столика.

– Ну, кто первый? – начала Амалия.

– Давай ты.

– Отлично. Только давай самое крутое доставать в конце!

– Конечно, конечно, – бегло проговорила Света, уже предвкушая грандиозную победу.

С гордым смешком Амалия потянулась к своей коробке. И представила невидимой публике воображаемого аукциона стакан с узорчатой металлической подставкой, аккуратно поставив его на одной ладони и придерживая свободной. Насколько Света знала, такие металлические подставки сейчас мало где можно встретить, но их часто использовали в прошлом веке. Она сдержанно похлопала и похвалила находку сестры. Теперь её очередь.

Не многого ожидая от реакции «публики», она вытащила из коробки маленькую лупу с деревянной ручкой, приставив линзу к правому глазу и приняв интеллигентный вид, изображая аристократа. Амалия весело рассмеялась, хлопая мини-сценке.

– Ты напомнила мне одного друга, скоро познакомлю тебя с ним и с остальными.

– Он тоже начитанный аристократ?

– Тот ещё. А давай-ка показывать все штуки одновременно!

Темп «аукциона без цен и покупателей» нарастал, а до улицы через открытые окна всё чаще доносился залиvistый смех. Поначалу сёстры и вправду не спешили показывать что-то совсем необычное: среди «лотов» были старая лампа, игольница, фарфоровая статуэтка танцовщицы, расписанная узорами.

Но к концу соревнования, когда Амалия и Света одновременно поставили на хлипкий столик чугунный утюг и самовар соответственно, сёстры рассмеялись так громко, что родители, разбиравшие вещи на первом этаже, слышали шум и озадаченно переглянулись.

– Это безоговорочная победа. Я умру сейчас! – проговорила Амалия, валяясь на полу от одного вида самовара, который Света с такой гордостью достала из коробки. И как только он там поместился?

– Даже не знаю, утюг тоже хорош, – не согласилась Света, успокаиваясь. И тут же с азартной улыбкой глянула на сестру, вкрадчиво растягивая каждый слог. – Но у меня есть ещё кое-что.

– Мне уже страшно от этой твоей улыбочки...

– О-о, не зря...

Уже готовая услышать взрыв аплодисментов от «публики» и увидеть наполненные восторгом глаза Амалии, Света с грохотом поставила на столик тёмную деревянную шкатулку с резными узорами. Вместе со стуком в стороны от неё полетели клубы пыли, а несчастный журнальный столик едва не испустил последний вздох. Света с гордо прикрытыми глазами приня-

лась нарочито медленно открывать шкатулку, Амалия уже едва могла удержаться на месте от затянувшейся интриги. И вот, когда шкатулка была торжественно открыта, Света краем глаза покосилась на сестру, чтобы мельком глянуть на её выражение лица, но увидела...

Лишённый эмоций шок и неверие. Уже привычная Свете весёлость в миг развеялась, оставив вместо себя странный ступор. На миг даже показалось, что Амалия отшатнулась от увиденного.

– Э... Что-то не так? – Света неловко почесала затылок, гадая, что вдруг вызвало такую реакцию. Амалия, наконец, вновь пришла в себя, но менее удивлённой от этого не выглядела.

– Эм... Как бы объяснить... Ты знаешь, что это?

– В смысле... Какие-то супердорогие драгоценности?

На взгляд не разбирающихся в драгоценностях Светы и Амалии, они стоили не меньше сотни тысяч. На мягком красном бархате лежала пара золотых кубков размером с большие стеклянные бокалы. Один по кругу был инкрустирован жёлтыми драгоценными камнями, а другой – зелёными. На блестящей поверхности кто-то будто тоненькой иголкой искусно вырезал узоры из роз с шипастыми стеблями и изящными листьями. А деталь, к которой крепился ободок с драгоценными камнями, напоминала крест, из центра которого тянулась ножка.

Может, это какой-то известный экспонат музея? Иначе почему Амалия так странноотреагировала?

– Ух... – выдохнула та, вытирая проступивший на лбу пот. – Мама не разрешила мне рассказывать тебе всё сразу, но, похоже, придётся. – В ответ Света смогла лишь озадаченно склонить набок голову. – Жди здесь!

Следующие пятнадцать минут Света начала сомневаться в том, что на самом деле обходила Амалию в скорости. Сестра так резво перемещалась с чердака куда-то на первый этаж и обратно, раскладывая повсюду какие-то безделушки, что от скорости стала похожа на размытое пятно. И все эти пятнадцать минут Света молча сидела на месте и гадала, что же такого нашла в глубине старого шкафа, оставленного прошлыми хозяевами дома. Кстати, почему они вообще оставили здесь столько дорогого старья? Неужели украли...

Пока размышляла над этим и ждала, когда Амалия окончит свои приготовления, Света не заметила, как чердак превратился в настоящее место для проведения ритуалов.

Амалия расставила вокруг множество неизвестной Свете эзотерической атрибутики: по всему полу вокруг них теперь валялись, вернее, были разложены по некой чёткой системе, огромное количество цветастых гадальных карт, минералов и пучков трав, аккуратно перевязанных ленточками. Амалия даже не поленилась зажечь и расставить вокруг несколько благовоний. Ещё и свет на чердаке выключила – теперь их лица освещал только тусклый огонёк таинственной большой чёрной свечи, поставленной всё на тот же держащийся из последних сил столик.

– Это ещё зачем? – спросила Света, почесывая затылок и указывая подбородком на эзотерическую массу вокруг себя.

Амалия, не теряя сосредоточенности и игнорируя вопрос сестры, оперлась локтями на столик и сцепила ладони в замок. Тяжело вздохнув и с такой серьёзностью, на которую только была способна, посмотрела Свете в глаза. Выждав ещё минуту, наконец, заговорила:

– Итак, Света. Мама просила меня ничего не рассказывать, говорила, что пока слишком рано и твоя голова ещё не готова воспринимать эту информацию. А потому попрошу никому не рассказывать о нашем следующем серьёзном разговоре.

– Почему у меня такое чувство, что ты меня сейчас отчитывать будешь? Не смешно как-то...

Но Амалия и дальше, не обращая внимания на реплики Светы, увлечённо продолжала развивать «серьёзный разговор»:

– В этом мире есть множество тайн. Загадок, решений которым не существует, столь много, что люди гибнут толпами в попытках разгадать хотя бы одну из них...

– Да что это за кубки, чёрт бы их побрал...

– Некоторые же тайны известны лишь немногим. Избранным, что с рождения хранят их в глубине своего сердца, как зеницу ока.

– Итак?...

– Света...

Света уже готова была расплыться по полу лужей воска от пламени нетерпения, охватившего всё её тело. Она хотела измученно выдохнуть, но в тот же миг едва не подскочила на месте.

– Обратни существуют!

Глава 4. Пророчество и обелиски

— Какого чёрта?!

Такого Света никак не ожидала. Даже атмосфера, созданная всяким эзотерическим барахлом, никак не повлияла на её мнение: Амалия, несмотря на общее впечатление, теперь выглядела в её глазах как подросток, верящий во всякую чушь в силу переходного возраста.

— Ты для этого разложила карты со свечами по чердаку? И эзотерику эту всю за правду считаешь?

— Конечно, нет. Это просто декор для создания таинственной атмосферы.

Теперь уже Света больше походила на наивного ребенка. Может, всё не настолько плохо?

— Ещё скажи, что ты и есть оборотень и в свободное время сражаешься с вампирами, в ночи защищая город от зла, — попыталась вернуть сестру с небес на землю Света, но ожидаемой реакции не получила.

— Это правда! — Теперь с серьёзностью в глазах Амалии смешивалось отчаяние. Она искренне хотела убедить в реальности своих фантазий и Свету. Но та считала эту идею заведомо проигрышной. — Я же не о призраках всяких тебе рассказываю. Их-то точно не существует.

— И то верно, — согласилась Света, уверенно скрестив руки на груди, но тут же застыла. Вот с этим она уже могла поспорить...

— Ух! Тогда смотри внимательно!

Амалия шумно выдохнула и резко поднялась на ноги, в упор глядя на Свету. Та мысленно посмеялась её важному виду, но внимательно наблюдала в ожидании чуда.

И в следующую секунду всерьёз засомневалась в трезвости своего ума.

С гордо вздёрнутым подбородком Амалия крутанулась вокруг своей оси, а когда остановилась, в свете свечей блеснули острые когти на чёрных кошачьих лапах вместо её рук! Теперь и два высоких хвостика напоминали кошачьи уши, а уж глядя на её позу, каждый заметил бы схожесть с кошкой. Когда она начала размахивать невесть откуда взявшимся длинным чёрным хвостом, Света нашла в себе силы лишь раскрыть рот и безуспешно пытаться осознать происходящее.

Увидев шок на лице сестры, Амалия оскалила выросшие острые клыки и со смехом объявила:

— Пантера, семейство кошачьих! Всё ещё сомневаешься? — Она стала кружить вокруг застывшей в ступоре Светы. — Полностью обращаться мне лень, в этом мало смысла, поэтому довольствуйся лапами и хвостом.

— Вот же — проговорила под нос Света, глядя перед собой под весёлое хихиканье сестры. Может, в Новом Осколе воздух радиоактивный, и она видит галлюцинации? По этой же причине у местных появились мутации? Здесь неподалёку, кажется, руду добывают, может...

Амалия вернула себе привычный облик и вновь уселась напротив, сложив руки на столе.

— Мы зовёмся обелисками. Откуда взялось такое странное название, никто не знает. Просто прими этот факт. Я знаю всех обелисков в нашем классе, так как все мы чувствуем свойственную нам энергию.

— И от меня что-то чувствуешь?

— Странно, но да

— Почему странно?

— Странно, что ты тоже оборотень. И к тому же очень сильный. — Амалия задумчиво потёрла подбородок. — Мама говорила, что твои родители — обычные люди, но всё равно сомневалась, человек ли ты.

— Час от часу не легче. — Света с каждой минутой всё чаще и глубже вздыхала, пытаюсь принять за истину услышанное. Ну, какой из неё оборотень?

— Такое чувство, что сила, которой ты обладаешь, почти не связана с твоим телом. Все обелиски начинают понемногу превращаться в семь-восемь лет, тогда и становится понятно, оборотень он, или обычный человек. Но тебе уже пятнадцать, а энергия, хоть и сильная, ощущается так, словно ты сейчас сидишь не здесь, а в ста метрах от меня.

— Ну, это звучит уже правдоподобней остального. А кубки тут причём?

— Погоди, всему своё время. Попробуй для начала почувствовать меня.

— И как это делается, боюсь спросить?

— Представь, что хочешь ощутить цвет моей души.

— Понятней не стало...

— Не полагайся особо на глаза, для удобства можешь вообще закрыть их. — Света скрепя сердце подчинилась. — Направь все свои ощущения на меня и подумай о том, с чем я у тебя ассоциируюсь.

— С пантерой, очевидно?

— Вот. Теперь открой глаза. Представь, что все пять чувств усилились настолько, что появилось шестое.

Света попыталась внимательно следовать инструкциям Амалии, мысленно перечисляя всё, что связано с ней: как они впервые увиделись, как вместе ходили в магазин и переворачивали чердак с ног на голову. И, кажется, действительно что-то почувствовала. На миг подумала, что показалось, но, открыв глаза, едва не отшатнулась: хоть это и походило на легкую галлюцинацию, за спиной Амалии сидел чуть различимый рыжеватый силуэт пантеры. Огромной в сравнении с обычной особью, полупрозрачной пантеры! Её глаза светились двумя яркими зелёными огнями и внимательно глядели на Свету. От шока «шестое чувство» померкло. Света часто заморгала, а в следующий мимолётное видение уже испарилось.

— Что бы такое сказать?..

— О, похоже, ты почувствовала, — сказала Амалия, удовлетворённо кивая. — У тебя глаза жёлтым засветились! Теперь у меня мурашки по всему телу. Ты точно не обычный обелиск. Если бы моё биополе рассматривал Захар, я бы едва ли что-то почувствовала.

— Это называется биополем?

— Да. Но твоё я не вижу — только чувствую эту силу где-то далеко, она пока ещё в глубине твоей души. Возможно, тебе нужно один раз воспользоваться ей, и биополе встанет на место.

— Ладно, допустим, это я поняла. Что за кубки?

— Переходим к следующему параграфу! — Амалия снова принялась игнорировать реплики Светы, чтобы не сбиться с собственной линии повествования. — К сожалению, обелискам не так уж легко живётся, и всё из-за того, что нас кое-кто притесняет.

— Учёные, которые хотят проводить над вами опыты?

— Учёные понятия не имеют о нашем существовании, мы хорошо скрываемся. Но жизнь наша от этого слаще не стала. Есть кое-кто похуже!

Около ста пятидесяти лет назад в городе поселился необычный обелиск — Илларион Розенкрейц. Таких, как он, называли пепельными. Они не могли превращаться в животных и не имели почти ничего общего с оборотнями. Но обладали другой, куда более смертоносной силой, чем они.

Им был подвластен огонь. Отнюдь не обычный: такой огонь обращал в пепел абсолютно всё, что попадётся ему на пути, распространялся куда стремительнее, чем обычный. Говорят, даже воздух и вода тлели, стоило пепельному применить свою силу! Последствия таких пожаров были даже более жуткими. Если сгорит дом — на его месте останется огромная гора пепла размером с этот самый дом. А если человек...

Одна вспышка — и от него не останется ничего, кроме серой кучки пепла. Ветер попросту рассеет её, не оставив от жертвы и следа.

— Вот уже сто пятьдесят лет, — продолжала Амалия, положив руку на сердце, — оборотни обходят стороной тех, в ком есть хоть капля силы пепельных.

— Зачем? — вскинула бровь Света. — Сила у них, конечно, и впрямь страшная, не поспоришь. Но разве у пепельных есть какая-то неприязнь к оборотням или типа того? Если эту силу никак не применять...

— Слушай дальше! Такой момент в нашей истории тоже был!

— О-у...

Света покивала, сделав вид, что поверит каждому слову Амалии. Но как только тон сестры вдруг посерьёзней, с каждым словом заметно хмурилась всё больше, затаив дыхание. Вместо волшебной сказки Света будто и впрямь слушала древнюю легенду, написанную кровью предков. Амалия действительно была талантливым рассказчиком.

Когда-то давно обелиски жили не только на Земле. Много лет назад часть оборотней сбежала сюда напрямиком из сказочного параллельного мира — Первого Измерения! Однако жизнь там была совсем не сказочной. Им пришлось оставить родной дом, чтобы спастись от гонений, скрыться от пепельных, что грозились уничтожить весь их род. Оборотни нашли способ попасть в чужой мир, где они навсегда смогут забыть о всепоглощающем пепельном пламени.

Вот только один из пепельных тоже нашёл способ перебраться на Землю.

Бессмертный Илларион Розенкрейц. Сильнейший пепельный, способный даровать свои силы обычным людям! Одного Иллариона хватило, чтобы в Новом Осколе вмиг появилась целая толпа обращённых в пепельных простых людей. Обелисков, которых так ненавидели предки сбежавших на Землю оборотней. Обелисков, которые однажды уже едва не уничтожили всех оборотней в их родном, уже забытом мире.

Однако Илларион отчего-то не стремился поработить оборотней, как его предки. Как только он явился на Землю, тут же заставил оборотней подписать особый контракт. Оборотни были так напуганы его силой, что просто не смогли противиться. В том контракте Илларион выдвинул лишь одно условие: пепельные не станут нападать на оборотней, пока те не нападут первыми. То же самое работало и в обратную сторону. На первый взгляд это простое мирное соглашение. Только вот одно единственное нарушение — и Розенкрейц с лёгкостью сотрёт с лица земли всех, кого только пожелает. Контракт был не более чем короткой надписью на бумажке.

Оборотни прекрасно знали, что никакие договоры не гарантируют им безопасность.

Илларион Розенкрейц способен одним взмахом руки сжечь целый город. Оборотни даже не успеют почувствовать, как его смертоносное багровое пламя сжигает их всех без остатка, как всё, что у них было, обращается кучкой пепла.

Разве может такое могущественное существо сдерживать какая-то бумажка?

Так, полтора века назад, Новым Осколом стала негласно управлять организация Розенкрейц. Так Илларион назвал свою группировку. И все эти полтора века оборотни не могут спать спокойно, в любой момент ожидая, что Илларион нарушит условия своего же контракта, по щелчку пальца уничтожив всех неудобных. Никогда не знаешь, в какой момент Илларион перестанет притворяться мирным дипломатом. От бессмертного пепельного можно ожидать чего угодно. Ему попросту незачем хоть в чём-то себе отказывать.

— Но ведь он не просто так на Земле появился, — ломала голову Света. Оттого, как часто она взъерошивала волосы на макушке в попытках расшевелить извилины, чёлка растрепалась окончательно. — Зачем Иллариону собственная организация, если он не оборотней поработать пришёл?

— В основном Розенкрейц занимается перевозками, — неопределённо покрутила рукой Амалия и тут же резко наклонилась к Свете, заставив ту отшатнуться. — Но на самом деле их основное дело — контрабанда антиквариата со всех уголков страны!

— Довольно специфично.

— Хоть Илларион и не выставляет это на всеобщее обозрение, оборотни тоже страшатся сообщать об этом в полицию. — Амалия тяжело вздохнула, вновь выпрямившись. — Он может сжечь всех свидетелей, не оставив от них и следа, а полиция так и будет думать, что все жертвы пропали без вести.

— Получается, Илларион всё-таки поработил вас с помощью какой-то бумажки, даже не используя огонь? А дальше что? — недоумённо спросила Света. — Какого чёрта ему тогда на Земле понадобилось?

— Мы всё ещё ломаем над этим голову. Если говорить коротко...

Коротко Амалия говорить не умела. Света вновь обречённо разлеглась на полу, едва та прочистила горло и перешла к новой легенде.

Все понимали, что Илларион Розенкрейц пришёл на Землю не от скуки: отыскать способ переместиться в другой мир — задача едва ли выполнимая, даже при всей своей мощи Илларион не стал бы тратить столько усилий, чтобы просто отправиться в путешествие. Он намерен не просто уничтожить всех, иначе сделал бы это ещё полтора века назад.

Всё это время пепельные усердно ждут, когда родится сильнейший из оборотней, чтобы поглотить его силы без остатка!

— Чё? — вырвалось у Светы. Она смотрела на Амалию, как на умалишённую, и, по её мнению, вполне оправданно. Однако Амалия нисколько не смутилась и с видом мудрого старца заявила:

— Пока это самая обоснованная версия!

— Обоснованная чем?.. — Света всё лежала на полу и хваталась за голову, пытаясь сложить все эти сказки в общую картину и хоть как-то связать между собой. Получалось плохо. — Что у вас тут происходит? И как с этим связаны кубки, чёрт возьми?..

— Всему своё время! — напомнила Амалия с поднятым кверху указательным пальцем. Ей очень не хватало очков с толстыми линзами для образа учительницы, пытающейся вбить знания в голову нерадивого ученика. — Весь этот шум с истреблением и поглощением сил возник не на пустом месте. Начальная точка — Пророчество!

— О нет

Настала тишина. Света всё ждала, когда Амалия продолжит «урок» и хоть что-то объяснит по-человечески. Но прошла минута, две, три, а таинственная пауза всё тянулась. Она не выдержала и спросила сама:

— Что за пророчество?..

— Древнее, как сам мир! Однажды великий пророк, что был связующим звеном между небесами и смертным миром, явился народу обелисков и поведал им о великой тайне!

— ...

— Ладно, я просто пыталась по сильнее тебя впечатлить, сейчас расскажу.

Напустив таинственности, Амалия процитировала:

— *«Нигредо. Из праха прошлого восстанет потомок волков, как ворон чёрный под светом солнца снизойдёт. Альбеда. Ото сна пробудятся в нём силы предков, как лебедь крылья свои необъятные расправит. Цитринитас. Подобно орлу золотому вонзится клювом в плоть нечестивых, дабы ближних своих уберечь. Рубедо. Настанет мир, взлетит пеликан в небо, объявляя начало праздника великого, кинется на землю жертвенно. Установится истинный порядок вещей».*

— М-м

Уже который раз за вечер Света равнодушно глядела на Амалию так, словно та бесталанно разыгрывает перед ней театральную сценку, а не изо всех сил пытается донести до неё какие-то крайне важные сведения, от которых мировоззрение Светы должно сделать тройной кувырок и измениться полностью. Амалия, видя, как сестра с выгнутой бровью смотрит на неё и чешет затылок, поспешила трактовать это «древнее, как сам мир» Пророчество.

— Если говорить кратко: пророк хотел сказать, что когда оборотни встретят жуткую напасть, явится потомок легендарных, сильнейших из всех обелисков, чёрных волков и спасёт всех. И, судя по всему, Иллариону прекрасно известно о Пророчестве. Всё это время он ждал рождения этого потомка, чтобы тут же его уничтожить и не дать Пророчеству сбыться. Ну а затем, когда оборотни лишатся своего защитника, заодно поглотить и их силы.

— Чёрные волки — задумчиво протянула Света, будто наконец-то начала понимать хоть крупицу всех этих легенд. — Для этого нужен контракт? Чтобы этот чёрный волк даже напасть на Иллариона не смог?

— Именно так.

— А если потомок окажется настолько силён, что Илларион и пискнуть не успеет, как его уничтожат?

— Пока сомнений в его силе не возникало. Проверять никто не решался.

— Боже — Света, лёжа в куче карт, камней и трав и опираясь на локти, потеряла переносицу. — Так. Почему бы ему просто не уничтожить всех чёрных волков, чтобы потомок вообще не родился?

— Как я уже говорила, он хочет впитать в себя его силу, прежде чем уничтожить. Потомок впитает в себя всю силу своих предков, обретя могущество, сравнимое с силой Иллариона. Он хочет таким образом удвоить свою. А других не убивал лишь для того, чтобы к моменту рождения потомка из Пророчества, оборотней было больше. Больше оборотней — больше силы.

— И вы думаете, что у него хватает ума верить в эти глупые пророчества. Они вообще хоть раз сбывались?

— Но у обелисков действительно однажды появились враги. Это уже доказывает, что Пророчество сбывается!

— И в нём ни слова о геноциде! — Света шумно выдохнула и выпрямилась, взглянув Амалии прямо в глаза. — Этой напастью могло быть хоть цунами, хоть землетрясение — что угодно. Больше похоже на рекламу могучей силы чёрных волков и распространение слухов о пепельных. Я, конечно, не разбираюсь в этом лучше обелисков, всё-таки вам эти сказки с детства рассказывают. Но кто-то из них лично видел, как их предков сжигали? Кто-то хоть раз был в Первом Измерении и знает на сто процентов, что оно вообще существует? Илларион вон столько лет послушно своему контракту следует, хотя в любой момент передумать может. В Европе когда-то всех рыжих девушек без разбору сжигали, потому что «кто-то когда-то сказал, что они ведьмы». Все эти легенды за столько лет из мухи слона раздували, как ты можешь быть уверена, что всё так и было?

Света склонила голову набок и глянула Амалии в глаза с такой насмешкой, даже неким пренебрежением, что та невольно дёрнулась. Света почему-то вмиг растеряла всю непосредственность, наполнив комнату другой своей более тяжёлой аурой. Казалось, даже глаза сквозь козырьки длинных чёрных ресниц устрояюще блеснули жёлтыми огнями в темноте. Или это были блики от свеч?.. Амалия на долгие несколько минут задумалась. Может, и вовсе не было никакого Пророчества, и это действительно всего лишь сказка...

— Но — Амалия всё ещё пребывала в замешательстве, увидев новую сторону Светы и впервые засомневавшись в собственных убеждениях. Даже как-то стушеввалась под этим тяжёлым взглядом и не решалась перечить сестре, почувствовав себя маленьким ребёнком, на которого снисходительно смотрит взрослый.

— Ладно. Может, ты просто упустила какие-то детали на эмоциях, и я неправильно поняла. Это ведь не вся история? — Света вновь обрела привычный расслабленный вид и лениво придвинулась обратно к столику. — Кубки-то тут причём?

— А, точно, — откашлялась Амалия, понемногу приходя в себя. Она и сама уже забыла о них... — Помимо Пророчества, среди обелисков из поколения в поколение передаётся легенда о таинственных магических артефактах, — на словах «легенда» и «из поколения в поколение» она невольно запнулась, — которые оборотни-маги создали для победы над пепельными.

— Снова всё сводится к этому Это и есть те самые артефакты?

— Одни из них. Говорят, их четыре пары: кубки, жезлы, мечи и пентакли. — Света выгнула бровь. — Монетки такие Это четыре масти карт таро, но как артефакты связаны с ними, мне неизвестно. Все они украшены драгоценными камнями. Мама где-то добыла информацию о кубках, а эти идеально подходят под описание. Оба золотые, оба с камушками.

— То есть нужно собрать все восемь, и случится чудо? Сокровища теперь искать будем?

— Хотелось бы, только никто понятия не имеет, где остальные. Почему кубки вообще были в этом доме?.. Насколько я знаю, продавцам он достался по наследству от их предков-купцов, которые выкупили у кого-то этот дом ещё в прошлом веке. А сами временами заходили сюда и убирались, чтобы дом не зарос пылью и был пригоден для продажи. Думаю, они понятия не имели о существовании оборотней. Легенда об артефактах с Пророчеством и у нас-то преподносится как сказка, чтобы дети не боялись попасться пепельным на глаза. Мол, когда-то придёт спаситель, и настанет мир во всем мире.

— Значит, вытягивать информацию из прошлых жильцов — не вариант. Прелестно.

— Постой. Под кубками есть ещё что-то

Не успела Света отреагировать, как Амалия уже потянулась к шкатулке и аккуратно вытащила кубки. Каково же было удивление девушек, когда через пару секунд Амалия держала в руках кусок пожелтевшей от времени бумажки и разорванную пополам старую газету. Света машинально проговорила:

— Это что?..

— Подсказка?!

Отодвинув шкатулку с кубками на край стола, Амалия разложила находки посередине, дав прочитать их Свете. У обеих загорелись глаза: неужели остальные артефакты действительно можно найти?

Первым изучили кусочек бумаги размером с ладонь. На нём кто-то ровным почерком вывел чернилами несколько слов: «Дневник на чердаке городской библиотеки».

Вот так прямо, без загадок, кто-то выдал расположение какого-то дневника

Теперь это ещё больше походило на розыгрыш.

— Что за бред?

— Невероятно! Мы обязаны проверить!

— Это слишком легко, — недоверчиво проговорила Света, оглядывая скептическим взглядом оба листка, но решила всё-таки изучить и газету. — Это просто прикол какой-то, не...

И с круглыми от удивления глазами замолкла, бегло прочитав надпись на краю страницы. «Пожар в поместье Козыревых. Линда Коз» Это заголовок статьи, оборванный на половине, но шок от этого был не меньше. Света ни разу не слышала о родственницах с таким именем, и уж тем более не знала ни о каком поместье. Неужели однофамильцы? И как так совпало, что кусок газеты лежал в одной шкатулке с кубками, да ещё и в новом доме других Козыревых? Это точно чья-то злая шутка...

— Что там такое? — перепугалась Амалия от внезапной перемены в настроении сестры и, не встретив никакого сопротивления, выхватила находку из её рук. Теперь и она удивилась не меньше Светы. — Кто такая Линда?

— Что за пожар? У вас было такое?

— Был один, но не думаю, что это кто-то из наших родственников. Было бы странно, если бы мама, будучи журналисткой до мозга костей, не знала, что это они.

— И всё же?..

— Здесь не указан адрес, но такой пожар был единственным во всём городе

Вновь Амалия ударилась в легенды, но в этот раз Света действительно вслушивалась, боясь упустить хоть слово.

По слухам, около тринадцати лет назад адепты Иллариона сожгли дом одной семьи оборотней, посмеявшись попытаться нарушить контракт. Катерина мало что рассказала Амалии: та была совсем маленькой, когда это произошло.

Война после этого инцидента не началась по одной простой причине: пепельные не нападали первыми, а нападавшие погибли раньше, чем успели нанести адептам вред.

Правда это или нет,obelisks не знали до сих пор. Никто не был знаком с погибшими обитателями дома. Да и тот не превратился в гору пепла, а значит, его сожгли не пепельным огнём. Условия контракта не уточняют, что именно считается нападением. Чтобы не нарушить их, Розенкрейц просто подожгли дом обычными бензином и зажигалкой. Ни один оборотень не захочет связываться с организацией, потому никто не осмелился оспорить это дело.

Всю историю охватывала пелена таинственности, недосказанности и, возможно, предрассудков, а инцидент замяли, поскольку последствия с обеих сторон посчитали «минимальными». Но с тех порobelisks стали ещё больше ненавидеть одно только слово «Розенкрейц».

Жизни тех нескольких несчастных погибших едва ли не прямым текстом называли бесполезными, а виновников их смерти вот так просто отпустили, даже не привлекая к ответственности.

— Может, это про тот самый пожар? — задумчиво проговорила Амалия, указывая на оборванный заголовок. — Кто-то изobelisks постарался найти первую пару артефактов и некий дневник с записями о других, затем положил сюда подсказку о его местонахождении. Кто-то втайне от Розенкрейц готовился отомстить за жителей того дома и напасть на Иллариона?

— Почему страница оборвана? — Света, подперев рукой висок, всё активнее раздумывала, так, что голова начинала кипеть. — Срез неровный, это не конец.

— Боюсь, это мы узнаем, только когда приступим к расследованию. Начнём прямо с завтрашнего дня!

— А шкатулку куда девать?

— Девочки! Вы закончили?! — послышался звонкий оклик Катерины из кухни. От неожиданности сёстры подскочили и машинально прикрыли собой все находки.

— Да! Сейчас перетащим матрас и вещи!!! — Амалия крикнула так громко прямо возле уха Светы, что та скривилась и свернулась на полу калачиком, прикрывая руками пострадавшие уши.

— Хорошо! Как раз к ночи успеете!

Прислушиваясь к удаляющемуся топоту Катерины, Амалия приглушённо выдохнула и, снизив громкость, обратилась к лежащей в нокауте Свете:

— Понятия не имею, знает ли Илларион об артефактах, но кубки в любом случае придётся на время спрятать — и от пепельных, и от моей мамы. Она сказала, что твои родители обычные люди, но сомневается, оборотень ли ты. Хорошо, что твоё биополе приглушено: она сможет найти его, только если некоторое время посидит возле тебя и сосредоточится. Я его так и почувствовала.

— Ясно, — едва слышно проговорила Света, всё ещё морщась от противного звона в ушах. Наверное, барабанные перепонки лопнули — у неё с детства слишком чувствительный слух.

Оставшееся время сёстры перетаскивали матрас и вещи Светы на прибранный чердак. Правда, времени на то, чтобы убрать эзотерическую «таинственную атмосферу», не хватило, и девушке пришлось лечь спать в окружении гадальных карт и прочего.

На следующее утро Амалия пообещала ей «незабываемое приключение» и знакомство со своими лучшими друзьями. Обратни, пепельные, Пророчество и артефакты должны были захватить все её мысли, не дав сомкнуть глаз, но Света не из тех, кто подолгу не может уснуть из-за такого. Поэтому, продержавшись для приличия одну минуту в глубоких размышлениях, она погрузилась в ещё более глубокий и куда более полезный, чем рефлексия, сон.

Глава 5. Начало расследования

Утро Светы началось не с кофе. Первое, что она услышала сквозь сон, глубоко зарытая в одеяло, — ненавязчивая мелодия, похожая на ту, что фоном играет в торговых центрах и не привлекает к себе особого внимания. Во всяком случае, Света ощутила себя товаром на одной из полок магазина, когда через силу разлепила глаза после безмятежного крепкого сна. И была бы рада его продолжить, но у Амалии были свои планы на её свободное время.

Спустя пару секунд раздался топот — кто-то торопливо поднимался на чердак. Распахнув настежь деревянный люк, в комнату ворвалась воодушевлённая лохматая Амалия с колонкой в руках. Мелодия стала такой громкой, что Свете в снова пришлось прикрыть уши руками, чтобы не оглохнуть. Теперь понятно, что за ненавязчивую музыку она слышала сквозь сон. Амалия даже не переделась и в пижаме скакала вокруг матраса Светы с весёлыми возгласами, а каждый звук «р» превращался в рык, словно она вот-вот превратится в мурчащую кошку:

— Пр-р-роснись и пой! Нас ждёт великое пр-приключение и встреча с новыми гер-роями!

— Сколько времени?..

— Восемь-ноль-ноль!

Сквозь оглушающую музыку едва можно было что-то расслышать. Света обречённо вздохнула, прежде чем ещё сильнее зарыться с головой в уютное одеяло и закрыть уши подушкой. Да кто ж на выходных в такую рань просыпается? Она сейчас выть от отчаяния начнёт!

— Давай-давай, поднимайся! Я уже сказала всем, что мы встречаемся в девять.

— Других-то зачем мучить?..

С горем пополам Света оделась и спустилась на кухню. Колонка оказалась Катерины, сама она мыла посуду, пританцовывая и подпевая какой-то популярной современной песне. Амалия уже сидела за столом, уплетая йогурт, и тоже мычала в такт музыке. Родители уже были заняты чем-то на другом конце дома. Света с закрытыми глазами наощупь делала себе бутерброд.

— Ну, чем займётесь сегодня? — с улыбкой спросила Катерина, вытирая руки о полотенце. Никаких домашних дел сёстрам не поручили, и те могли потратить время на себя.

— Познакомлю Свету с Сабиной, Тихоном и Захаром, — тут же отозвалась Амалия с ещё более широкой улыбкой и привычным румянцем на щеках. Ей так не терпелось это сделать, что она едва смогла сомкнуть глаза этой ночью.

— Повеселитесь там! Мы с Веней и Таней поедem закупаться всяким барахлом, так что до вечера нас дома не ждите.

С утра все звуки воспринимались ещё громче, чем обычно, а уж два звонких голоса, пытающихся перекричать колонку, рисковали окончательно лопнуть перепонки в ушах Светы. Она была вынуждена всё утро болезненно щуриться без возможности прикрывать оба уха. При всей её общительности и экстраверсии, она была бы счастлива провести утро в хоть немного более тихой обстановке! Не то что бы она сильно против, просто родители такую шумиху по утрам обычно не устраивали, к такому нужно было привыкнуть.

Однако мысли о знакомстве с новыми друзьями заставили невольно улыбнуться, игнорируя звон в ушах. Этим вечером она похвастается Кате с Германом и пошутит о том, как быстро нашла им замену. Уже предвкушала, какие ответы будут разрывать её телефон в ту же секунду.

— Мы идём в наше секретное место, — заговорила Амалия, когда сёстры уже шли по улице, ловко перепрыгивая лужи. Маленький рюкзак с найденной на чердаке шкатулкой подпрыгивал на её плече вместе с хозяйкой. — Здесь недалеко есть заброшенный парк. Там никто не ходит, поэтому наше тайное собрание не раскроют.

— Будем сидеть на траве клещей собирать?

— О, нет. Там есть беседка, в ней и обоснуемся.

На горизонте показались очертания высоких деревьев, затем и кованый забор с закрытой калиткой, отделяющий улицу от высокой некошеной травы. Забор заметно заржавел, а за густо разросшимися кустами едва можно было разглядеть дорожки.

— Закрыто? — удивилась Света, остановившись перед калиткой.

— Это не проблема.

Амалия закинула вторую лямку рюкзака на свободное плечо и, разбежавшись, просто запрыгнула на забор парой ловких движений. Сидя в двух метрах над землёй и глядя сверху вниз, она весело помахала Свете рукой, призывая сделать то же самое. Та не сильно удивилась и без вопросов последовала примеру Амалии. Вскоре они шли по неровной каменной тропе, лавируя между разросшейся листвой и шаркая ботинками по опавшим листьям.

В густых зарослях в центре парка возвышалась старая, слегка покосившаяся деревянная беседка. Выглядит даже безопасно.

Похоже, местным подросткам этот парк не был интересен: по пути Света не заметила ни одного граффити, даже мусора нигде не валялось. Парк выглядел скорее забытым, чем заброшенным. Или у местной шпаны были какие-то негласные правила пользования этим местом?..

Амалия и Света устроились на скамье, и пока остальные не подтянулись, Амалия решила скоротать время за разговорами:

— Думаю, вы сразу подружитесь! Ты прямо идеально вписываешься в нашу компанию.

— Чем это? — искренне поинтересовалась Света, удивлённо выгнув бровь.

— Есть в тебе, знаешь Любовь к неизведанному. Когда мы начали разбирать хлам на чердаке, это стало заметно сразу.

Света вспомнила, как рассказывала Амалии о своих походах по заброшкам. У той прямо глаза загорелись от услышанного, теперь Света поняла почему. Похоже, этих четверых связывало то же пристрастие, что и Свету с командой по исследованию заброшек.

— Вы тоже всё время ищите приключения на свою...

— Ну, за небольшим исключением. Захар привык много думать, прежде чем делать, поэтому не сразу соглашается на подобное, но в итоге всё равно идёт со всеми. В общем, скоро ты и сама всё поймешь.

Как по команде вдалеке раздался чей-то весёлый смех. Света прислушалась: похоже, компания приближается к «тайному месту». Хоть издали и было слышно только двоих. Раздвигая, даже можно сказать, расталкивая перед собой густые заросли, на поляну уверенной походкой вышла высокая рыжая девушка. За ней, уклоняясь от летящих в него колосьев и посмеиваясь чьей-то шутке, шагал парень с чуть взъерошенными русыми волосами. Замыкал шествие их низкий друг. Вид у него был спокойный и на первый взгляд скучающий, даже закрытый на фоне тех двоих. Он единственный был в тщательно выглаженной рубашке и брюках, остальные предпочли более простую одежду, возможно, даже домашнюю.

— Чё ты ржёшь? Не веришь — завтра на тебе проверим, — с ухмылкой через плечо кинула девушка хихикающему другу.

— Но я хочу жить!

— Почему тогда общаешься с Сабиной? — спокойно заметил третий. Выражение его лица сделалось лишь слегка удивлённым. В ответ второй вновь весело рассмеялся, от улыбки щурился глазами: сразу понял, что это шутка.

Увидев друзей, Амалия подскочила и, не переставая изо всех сил махать рукой, приветственно заголосила. Света тоже поднялась, улыбаясь во все тридцать два зуба.

Ребята помахали сёстрам и поприветствовали их в ответ. Они встретили Свету такими доброжелательными улыбками, словно уже заранее приняли к себе в компанию. Едва дождавшись, когда они устроятся в беседке, Амалия принялась воодушевлённо представлять их Свете:

— Это Сабина и Захар Огневые и Тихон Летягин. Сабина и Захар — брат и сестра. А это Света Козырева.

— Хотя бы мне слово вставить дала, — хмыкнула Сабина, откидываясь на спинку скамейки и зачёсывая длинную рыжую чёлку. Она оскалилась в хищной улыбке, поигрывая невесть откуда взявшейся травинкой в зубах, и вперила в Свету медные глаза. — Приятно познакомиться.

— Друзей не едят, Сабина, — с умным видом поднял указательный палец Захар, игнорируя брошенный на него свирепый взгляд сестры. — Подожди хотя бы пару дней.

— Это правда, что ты победила десятерых разом?! — с горящими светло-жёлтыми глазами уставился на Свету Тихон, широко улыбаясь. Острые клыки забавно выдавались вперёд. Свете вдруг стало неловко. Она потёрла затылок и отмахнулась:

— Да эта шайка и мухе проиграла бы! — Она покосилась на сложившую ладошки на столе Амалию. — Ты уже всё обо мне выложила?

— Если хочешь, можешь рассказать нам всё сама, — развёл руками Захар, обречённо прикрыв медные, как у сестры, глаза. — Я не стал читать твою биографию из уважения к тебе.

— Сразись со мной! — выпалила Сабина, наклонившись к Свете с таким оскалом, будто и впрямь вызывает на смертный поединок. — Тхэквондо или бокс?

Едва Света успела гордо ухмыльнуться, как Захар, нисколько не изменившись в лице, стукнул Сабину ребром ладони по голове, заставив крикнуть, схватиться за голову и сесть обратно на скамейку. Сабина попыталась прожечь его взглядом, когда Захар вежливо обратился к Свете:

— Не соглашайся.

— Это ещё почему? — удивилась Света, косясь то на разозлённую Сабину, то на Захара. На фоне друзей он выглядел самым безобидным, даже чертами лица напоминал младшего.

— Вот именно! — ворчала Сабина. — Друзья познаются в сражении! Мы просто...

— «Просто»? С тобой? — широко улыбаясь, Захар медленно поворачивал голову к Сабине. — Последствия разгребать будешь сама.

Сабина, раздражённо дёрнув губой, демонстративно фыркнула и подпёрла руками затылок, закинув ногу на ногу, но успокоилась. Света всё задумчиво тёрла затылок, поглядывая то на брата, то на сестру. В этой компании скучно не будет, вот уж точно.

— Пожалуй, начнём! — объявила Амалия, поднимаясь со своего места и оглядывая ребят. Те как один вопросительно уставились на подругу.

— Начнём что? — склонил голову Тихон.

— Представление!

— Прекрасно, ни секунды в тебе не сомневалась, — уверенно улыбнулась Сабина и уже закинула одну ногу на усыпанный листьями и пылью стол, чтобы начать «представление» на нём, но тут же повалилась обратно — Захар дёрнул её за длинный рыжий хвост и усадил на место:

— Вряд ли она имела в виду это.

— Да мне без разницы!

— Я тоже хочу представление, — огорчённо протянула Света, сползая по спинке скамьи вместе с Тихоном. Знать бы ещё, что за «представление» такое...

— Нет, в этот раз действительно без «него», — откашлялась Амалия, но тут же улыбнулась ещё шире и раскинула руки в стороны. — Мы должны дать понять Свете, кто мы такие!

— За — начала Сабина, но в этот раз Захар не дал ей сказать и слова, сразу прикрыл ей рот ладонью. И пока та мычала угрозы, с улыбкой повернулся к Свете:

— Прошу прощения, если тебе показалось, что мы с Сабинкой не ладим, — сестра попыталась его укусить, но тут же получила пинок под столом, — просто сегодня она особенно взволнована. Как её родной брат, я обязан помогать ей сдерживать эмоции.

— Они очень дружны, — с умным видом закивал Тихон, имитируя Захара. Ежесекундно пинок под столом получил уже он.

— Вы близнецы? — спросила Света.

— Именно так, — кивнул Захар, отпуская Сабину. Та брезгливо поморщилась, но атаковать дальше не стала. Вместо этого указала на себя большим пальцем и гордо перечислила:

— Мастер тхэквондо, лидер «Культы непревзойдённой лисицы Линъянь», заправляющий западным округом «Дворца девяти тысяч страданий», автор «Непревзойдённого индивидуального стиля Сабины», и просто...

— Погоди-ка.

В беседке зависла тяжёлая тишина. Пока Света и Амалия озадаченно оглядывали остальных, Сабина непонимающе уставилась на Захара, Тихон неловко косился на Свету, а Захар, посерьёзнев, с угрозой проговорил:

— Давно твой «культ» так называется?

— Ну-у, — протянула Сабина, — с этого момента?..

— Ничего не смущает?

— А должно? А

Сабина вдруг осеклась и метнула на Свету подозрительный взгляд, но тут же как ни в чём не бывало отмахнулась:

— Это часть моего стиля: мои приёмы хитры, как у лисы, а удары молниеносны, как Э...

— Всё в порядке, она всё знает, — улыбнувшись, успокоила Амалия.

Все трое хором выдохнули, Тихон устало сполз по скамье ещё сильнее, едва не провалившись под стол. Света, смутившись, проговорила:

— А что, собственно, произошло? Если это какая-то локальная шутка

— Я забыла сказать им, что ты тоже оборотень.

Теперь пришёл черёд Светы распахнутыми глазами уставиться на Амалию. Она и вправду рассказала ребятам всё, кроме этого?!

— Я, кажется, не был к такому готов, — потирал переносицу Захар. — У меня чуть сердце не остановилось.

— Как ты можешь быть оборотнем? — озадаченно распахнула глаза Сабина, вскакивая с места и тыча пальцем в Свету. — Я не вижу твоего биополя!

— Самой не верится, — развела руками Света. — Буквально вчера узнала.

— Быть того не может, — не верил Захар, оглядывая Свету, как седьмое чудо света. — Все начинают превращаться ещё в детстве...

— Может, вернёмся к этому позже? — предложила Амалия. — Обо всём по порядку!

— Тогда я продолжу, — уже было вновь поднялась Сабина, но Амалия продолжила за неё.

— Сабина — непревзойдённая трёххвостая лисица, способная сжигать всех врагов на своём пути и плести неразличимые с реальностью иллюзии!

— Слышь, это моя фраза.

— Трёххвостая?! — воскликнула Света, распахнув глаза от восхищения. Сабина гордо прикрыла глаза и вздёрнула острый подбородок. Но в тот же миг едва не упала со скамейки. — Разве оборотни могут управлять огнём?

— Она не обычная лиса, — продолжала Амалия, пока Сабина активно кивала каждому слову. — У Сабины и Захара китайские корни. Всё время забываю, как лисы-оборотни зовутся там Захар вот — красная панда!

— К чёрту, лиса так лиса — смирилась Сабина.

— А ещё когда-то она занималась кунг-фу, но теперь изучает тхэквондо.

— Да не изучаю я! Аналога непревзойдённого стиля Сабины не существует!

— Также она долгожитель и спустя тысячу лет сможет стать небесной лисой!

— Не хочу жить так долго. Что там, на небесах без вас делать?

— Познавать мудрости мира, — ухмыльнулся Захар, проигнорировав лёгкий пинок в колено.

— В общем, если что-то пойдёт не так — Сабина нас защитит, ещё и сдачи даст. — Амалия перевела взгляд и рукой указала на Захара, тот едва слышно вздохнул, едва это заметил. — Захар — главный мозг нашей команды и цензура Сабины. Хоть он и не умеет того же, что она, без его огромного мозга мы бы не прожили и дня.

— Это всё, что ты можешь сказать обо мне?

— Пожалуй.

Захар фыркнул и уже хотел открыть рот, чтобы что-то добавить, но тут же замолк: Амалия потрепала его по аккуратно уложенным рыжим волосам, как маленького ребёнка. Он и теперь не изменился в лице, будто уже давно привык к такому. Амалия указала свободной рукой на Тихона:

— А он рысь.

— А Света?.. — уже сгорал от нетерпения Тихон. Сабина тоже с интересом уставилась на неё:

— Я, к биополям не особо чувствительна, но твоего реально разглядеть не могу. Кто ты?

— Ох, это уже сложнее объяснить, — попыталась подобрать слова Амалия. — Мы всё ещё пытаемся понять. Биополе есть, но оно будто не здесь.

— Я об оборотнях только вчера узнала. — Вздохнула Света. — Мои родители — обычные люди.

— Это путает ещё больше. И подумать не мог. Что такое бывает — ошарашенно оглядывал её Захар. — Мог ли кто-то запечатать твои силы? Если это так, мы не сможем понять, кто ты, пока ты не проявишь себя. Простой обелиск не смог бы такое повернуть. Не возьмусь гадать, зачем он вообще это сделал, в любом случае попрошу лишь быть с этим осторожнее. — Он серьёзно глянул Свете в глаза. — Если печать была на тебе с самого детства, применять силы слишком резко будет не самым приятным делом.

— Моё тело разорвёт на части? — невозмутимо предположила Света и краем глаза заметила, как Захар едва сдержался, чтобы не закатить глаза в ответ на этот её спокойный тон.

— По крайней мере, ощущения будут похожими. Не действуй необдуманно.

— Есть кое-что не менее серьёзное, — заметила Амалия. — Пока мы убирались на чердаке, нашли нечто странное.

— Всё хочу спросить, что в твоём рюкзаке, — признался Тихон, с интересом заглядывая в приоткрытый карман.

— Это главная после Светы причина нашего тайного собрания. Попрошу не шуметь, иначе нас заметят!

Под недоумёнными взглядами товарищей Амалия положила рюкзак на стол и не спеша вытащила из него шкатулку. Пока Тихон с Сабинной заинтересованно глядели на действия подруги, глаза Захара становились всё шире. При виде содержимого шкатулки его сердце едва не пропустило удар.

— Ничего себе! — тут же подскочил Тихон, нависнув над кубками с горящими от восторга глазами.

— Это ещё что? — Сабина повторила позу Тихона, оба стояли по двум сторонам от сосредоточенной Амалии, ни на миг не отрывая взгляда от кубков.

— Это Почему они были на вашем чердаке?! — Захар был так растерян, что едва смог подняться на ноги, чтобы так же, как друзья, рассмотреть сокровища поближе. — Да быть не может...

— Хотелось бы знать. Тоже думаешь, что это те самые артефакты? — спросила Амалия. Захар в сомнениях прикрыл рукой лицо и тяжело вздохнул.

— Было бы слишком наивно по размытому описанию, которое передавалось через века от предков потомкам, точно сказать, что это они. Даже не знаю Наверное? В шкатулке было что-то ещё?

— Бумажка с подсказкой.

Света вытянула из кармана чёрных спортивных штанов знакомый кусок бумаги. Захар дрожащими от волнения руками аккуратно перехватил его. А когда бегло прочитал, глаза его сделались ещё шире.

— Это больше похоже на розыгрыш. Я слышал, что к артефактам и вправду прилагаются четыре дневника. Даже если это шутка, шутником является хорошо знающий легенду обелиск.

— Пепельные слышали об этой легенде? — спросила Света. В ответ Захар покачал головой.

— Вряд ли. Их существование скрывается особенно тщательно. Даже не многие оборотни знают эту легенду.

— А что мы будем делать, — подозрительно сощурилась Сабина, засовывая руки в карманы, — если Розенкрейц эти артефакты нашёл сам и хочет нашими руками найти остальные, чтобы уничтожить?

— Это глупо. Если бы он знал, давно бы нашёл их и уничтожил без помощи школьников.

— То же самое можно сказать и об обелиске, — заметила Света. — Достал бы тогда всё остальное сам, зачем так ухищряться?

Захар помолчал какое-то время, хмурясь.

— Может, что-то заставило его прекратить поиски и оставить это дело другим?

— Его преследовали? — предположил Тихон, нисколько, впрочем, не испугавшись такого варианта.

— Кто? Пепельным потенциально неизвестно о легенде, а оборотням и подавно нет смысла мешать поиску. Может, он умер от старости? Хотел оставить задачу потомкам, но те не пожелали его слушать, оставив ненужный хлам на чердаке. Хотя на их месте любой бы продал подороже этот «хлам».

— Всё-таки придётся искать дальше, следуя подсказкам, так мы поймём хоть что-то, — закивала с умным видом Амалия. Только и ждала повода, чтобы это сказать. Захар в ответ устало выдохнул, возвращая бумажку Свете.

Та вдруг вспомнила, что в шкатулке лежала ещё и газета. Но тогда в теории Захара о том, что кубки лежат на чердаке нетронутые уже давно, нет смысла: газету трогали не раньше, чем тринадцать лет назад. Если их и передали по наследству, то в пределах этого времени. Может, прежний хозяин просто расследовал пожар в особняке и положил кусок газеты к кубкам, чтобы не потерять?

Но лучше всё же пока умолчать об этом. Прямой связи с артефактами пожар мог не иметь, а вот с прошлым их семьи вполне. Прежде, чем рассказывать о нём ребятам, Света с Амалией выяснят, что там произошло. Амалия тоже предпочла не говорить о газете и продолжила тему:

— Что нам вообще известно об артефактах, помимо всего прочего?

— У каждого артефакта должен быть хозяин, — объяснял Захар. — И каждый артефакт сам выбирает его. Я слышал, что все восемь определяются в одно и то же время — когда Пророчество начнёт сбываться. — Парень вдруг что-то вспомнил и обратился к Свете. — Ты же слышала о Пророчестве?

— Даже полную версию.

— А вдруг это судьба, и хозяевами может оказаться кто-то из нас? — воодушевился Тихон.

— Вероятность не нулевая, — согласился Захар после пары секунд раздумий. — Давайте просто по очереди коснёмся кубков, что-то должно произойти, если хозяевами окажемся мы. Понятия не имею, что ещё, кроме этого, мы сейчас можем сделать...

Тихон как по команде, с кошачьей ловкостью подхватил кубок с жёлтыми камнями, Амалия так же быстро потянулась к тому, что с зелёными. Сабина, Захар и Света выжидающе вгляделись в артефакты. Прошло уже около минуты, а так ничего и не произошло.

Но не успела Амалия разочарованно выдохнуть, как едва не подскочила от внезапно окутавшего их с Тихоном света, остальным пришлось прикрыть глаза. Он исходил от каждого камня в кубке, на миг ослепив всю компанию. И исчез так же быстро, как появился.

Открыв глаза вновь, ребята обомлели. На руках Амалии и Тихона теперь было по золотому браслету! Пятью тонкими цепочками к ним были прилажены узорчатые кольца, а к кольцам — наконечники, напоминающие острые когти. Узоры, изображающие цветы и стебли роз, были инкрустированы драгоценными камнями: жёлтыми и зелёными. Кубки превратились в браслеты!

— Это хорошо? — с круглыми от удивления глазами уточнил Тихон у Захара и повернулся к нему. Тот застыл на месте, с широко распахнутыми от удивления медными глазами. Как и все остальные.

— Предположительно, — неуверенно начал Захар, — любой магический артефакт, на котором стоит подобная приватизация, должен как минимум бить током тех, кому не принадлежит. Но кубки они явно неспроста просто взяли и превратились в браслеты на ваших руках. Не слишком похоже на отрицательный эффект. — Захар окончательно пришёл в себя и приоткрылся к подбородку в глубоких раздумьях. — Никакого дискомфорта вы, так полагаю, не ощутили.

— Нет, всё в полном порядке, — подтвердила Амалия, крутя запястье и рассматривая каждый яркий камешек на браслете.

— В таком случае нам нужно найти дневник, чтобы узнать остальные подробности.

— Пойдём прямо сейчас и проберёмся на чердак? — обрадовался Тихон и уже было собрался выскочить из беседки, но был остановлен раздражённым выдохом Захара.

— Никуда мы пробираться не будем. Для начала мирно спросим у библиотечарши, можно ли там осмотреться. Хотя, вряд ли нас туда пустят...

— Вот именно, просто дождёмся ночи и прокрадёмся, — азартно оскалилась Сабина, стучая кулаком по ладони.

— И какую отмазку мы придумаем, чтобы «мирно спросить»? — поинтересовалась Света, откинувшись на спинку скамьи и вскинув бровь. — «Мы ищем приключения на одно место, можно на чердаке поиграться?»

— На чердаке находится архив с самыми старыми книгами, теми, что издавались ещё в прошлом веке и раньше, — пояснил Захар. — Возможно, нас пустят туда, если скажем, что пишем проект про литературу прошлого века и нам нужны фотографии старых изданий.

— А если не пустят?

— Будем думать дальше.

Вопросы переговоров оставили за Захаром с Амалией в подстраховке. Сам Захар не соглашался на это напрямую, но и не отказался. Потратив пару минут на моральную подготовку, компания направилась в сторону городской библиотеки. Амалия с Тихоном решили всё же снять браслеты и вернуть в шкатулку, чтобы не потерять. Как только украшения коснулись дна, тут же превратились обратно в кубки.

По пути ребята кратко рассказали о других особенностях обелисков, неизвестных Свете. Вернее, Захар решил провести ей лекцию и так, «к слову», чуть ли не пересказать всю их историю. Света смиренно пыталась запомнить хоть что-то, хоть и всё ещё не осознала легенды, которыми Амалия промывала ей мозг весь прошлый вечер.

Оказалось, все, кроме пепельных, делятся по силе на три масти: самые сильные — золотые, несколько слабее — серебряные, обычные — медные. Свету позабавило сравнение с редкостью металлов, Захар же заметил, что если бы это разделение придумали в двадцать первом веке, самых сильных можно было бы сравнивать с калифорнием. Впрочем, прежнее разделение подходило визуально: ранг обелиска можно было определить по цвету биополя. А в тонкости свойств металлов Света не собиралась вдаваться никогда.

Биополе Амалии как раз отливалось медным: она обладала силой среднестатистического оборотня. Как и остальные трое в компании. Света удивилась: Сабину Амалия описывала как золотую. Но во всех этих делах она пока не разбиралась, может, поймёт всё позже.

Также выяснилось, что, несмотря на умение превращаться частично и полностью в животных, у обелиска может найтись и другой необычный талант. Пирокинез и способность к созданию иллюзий были особенностью как у Сабины, например. Некоторые оборотни могут создавать твёрдую материю из жидкой, или иметь талант к различным заклинаниям, как создатели восьми артефактов. Магия оборотней почти ничем не ограничивалась, разве что чёрные дыры, как с грустью отметил Тихон, призывать не умели.

Голова Светы уже начинала кипеть от перенапряжения, но, судя по тому, как увлечённо Захар обо всём этом рассказывал, останавливаться парень не планировал. К счастью, именно в этот момент компания наконец дошла до библиотеки.

Здание отличалось от других построек лишь цветом, не выбиваясь из общего пейзажа. На входе от ветра, чуть скрипя, покачивалась едва заметная старая табличка с надписью «Библиотека», неместный с трудом отыскал бы нужную дверь.

Как только тяжёлая дверь хлопнула за спинами ребят, в носы их ударил запах старой бумаги и духоты. Шкафы, стулья и полки были потрепаны временем, не было ни одного незатёртого угла. Почти у самого входа начинались ряды множества слегка покосившихся книжных стеллажей, заполненных самыми разными произведениями.

Свету всегда отталкивал вид библиотек. Прежде она была там только пару раз, и все — вынужденно. Её пугала сама мысль о том, чтобы сидеть среди всей этой макулатуры, пытаясь вчитаться в каждую строчку какой-нибудь из этих скучнейших книг. Даже несмотря на любовь к старью, чтение — худшее, чем она могла заняться. Во многом потому, что всё это время нужно неподвижно сидеть на одном месте, пытаясь воспроизвести картинку происходящего в голове. Уже в первые секунды чтения её мозг начинал высыхать вместе с неподвижными конечностями.

Компания, скрепя половицами старого пыльного паркета, обошла ещё пару стендов и приблизилась к кафедре. За ней, мирно читая маленькую книжонку, сидела пожилая, закутанная в тёплую шаль женщина не самого добродушного вида. По пути Захар рассказал, что в библиотеке бывает часто, но и этим не заслужил уважение библиотекарши Марфы Ивановны. Эта женщина была непоколебима и на малейший шорох в читальном зале могла разразиться такой яростью, что пропадало желание даже дышать, не то что шуметь. Теперь Света поняла, откуда в Захаре было столько неуверенности, когда он говорил о мирных переговорах. Они могли закончиться, даже не начавшись.

Марфа Ивановна неохотно прервала чтение и с хмурым видом обратила тяжёлый взор на компанию, когда услышала тихий голос Захара:

— Добрый день, Марфа Ивановна. Мы вас не отвлекаем?

Вопрос мог показаться глупым — женщина явно была занята книгой, но Захар сказал это таким приветливым, даже милым голосом, сдержанно и вежливо улыбаясь, что гром ярости пожилой библиотекарши был значительно отсрочен. Та сухо поздоровалась в ответ, оглядывая скептическим взглядом притихшую компанию: их она видела здесь явно впервые. На миг Света подумала, что всё же надо было послать на переговоры только Амалию и Захара, чтобы всем скопом не заставлять Марфу Ивановну злиться ещё больше. Но было уже поздно.

— Что вы хотели?

— Понимаете, — продолжил Захар всё с той же утончённой вежливостью, — мы пишем в группах проекты для подготовки к олимпиаде по литературе. Нам досталась тема старинных изданий известных произведений. Мы бы хотели взглянуть на некоторые из архива и, с вашего разрешения, записать парочку цитат и сделать фото...

— Исключено, — отрезала Марфа Ивановна, едва дослушав парня, и нахмурилась ещё больше. — Проход в архив строго воспрещён для посторонних.

— Мы понимаем, Марфа Ивановна, но нам очень важно пройти на международный этап, — подключилась Амалия не менее вежливо, чем Захар. — Поэтому вы могли бы...

— Никаких исключений, и точка! Покиньте помещение.

На миг Захар, стоявший к женщине ближе всех, застыл. Света, заметив это, собиралась вмешаться, но он тут же пришел в себя, почувствовав её рвение, и подал всем знак отступить. Попрошавшись с Марфой Ивановной и извинившись за беспокойство, компании всё-таки пришлось вернуться на улицу. Похоже, на этом игра в шпионов окончена.

— Ну почему она такая вредная? — негодовал Тихон, сцепив руки в замок на затылке и потянувшись.

— Надо сразу напролом идти! — Сабина раздражённо покосилась на злополучную дверь, когда пятеро остановились в стороне от входа. Захар проигнорировал реплику сестры, как фантазирующего о чём-то вслух несмышлёного ребёнка.

— Я не рассчитывал на многое, но всё равно слегка обидно, — обратился тот одновременно ко всем. — Если кто-то сейчас предложит отвлечь её и тайно проникнуть на чердак — я уйду.

— Но что-то точно можно придумать, — задумчиво потирала подбородок Амалия.

Пока остальные неуверенно топтались неподалёку под возмущённое бормотание Сабины, пинающей камни на тротуаре, Света решила оглядеть здание библиотеки, прикидывая, насколько возможно будет пробраться ночью на чердак через крышу. И не прогадала!

— Если на чердаке есть неостеклённое окно, сомневаюсь, что там хранятся книги. Архив точно не там, — как бы невзначай проговорила Света, глядя на крышу. Остальные заинтересованно задрали головы.

Тихон ойкнул от неожиданности, Сабина кинула на Свету уважительный взгляд. На чердаке библиотеки и вправду имелось круглое незастеклённое и ничем не прикрытое окошко. Если бы там находился архив, от старых книг сейчас не осталось бы и живого места: они бы попросту сгнили за такое время. Чего не скажешь о магическом дневнике, напичканном всякими разными заклинаниями колдунов-оборотней, живших задолго до ребят.

— Отлично, — уверенно проговорил Захар.

— Что? — хором спросили Амалия, Тихон и Сабина.

— Нам нужна парочка наших общих знакомых.

Вспоминая одного конкретного человека, Захар обречённо выдохнул. Но ничего не поделаешь. Врагов и недоброжелателей у него не имелось, однако некоторых людей ему было тяжело понять, и с ними он старался не пересекаться без надобности. Но рано или поздно взаимодействовать с ними всё равно приходится. И сейчас, похоже, наступил именно такой случай...

Глава 6. Розы из тени

Света хотела уточнить у Захара, что это за знакомые, но резкие перемены в его настроении порядком смутили. Пришлось сдерживать очередной порыв расспросов и дать ему молча повести компанию за собой. Захар и сам вряд ли заметил, как напрягся: сразу придал себе уверенный вид и, не отпустив больше ни одного комментария, направился куда-то. Похоже, несмотря на полезность этих знакомых, отношения у них были не самые гладкие.

Ребята ещё какое-то время неуверенно топали следом, но быстро вернулись к своему естественному состоянию. Спустя пару минут разговор вновь завязался, а Света всё больше убеждалась, как идеально вписывается в шумную и разговорчивую компанию. Какая бы тема ни обсуждалась, любую она могла поддержать сходу, некоторые начинала сама. Жалела только, что не жила в Новом Осколе раньше и упустила шанс познакомиться со всеми ещё в начальной школе.

Двор, в котором они очутились, на фоне прочих мог смело зваться элитным. По чистым тротуарным дорожкам не спеша прогуливались мамочки с колясками, на идеально ровно подстриженном газоне резвились дети и играли хозяева с собаками, на детской площадке в стороне от парковки кипела жизнь, с баскетбольного стадиона то и дело доносились крики игроков и удары мяча о стальное ограждение. Даже ранним субботним утром во дворе стоял шум и гам. Во всяком случае ранним оно было для Светы.

Хмурый Захар, скрепя сердце, но уверенно направлялся к ограждению в сопровождении четырёх заинтересованных пар глаз. Один из игроков, выделявшийся среди остальных особенно высоким для своего возраста ростом и подтянутой фигурой, заметив его, удивлённо вскинул бровь и, молниеносно отдав пас кому-то сзади, тут же сменил маршрут и с руками в карманах не спеша двинулся к выходу с площадки.

– Ты куда? – крикнул ему товарищ по команде, от неожиданности едва не споткнувшийся о свои же ноги.

– Вы мне надоели, двигаетесь как сонные мухи, – надменно кинул парень, не оборачиваясь и с лёгкой снисходительной ухмылкой глядя Захару прямо в глаза.

Тот не терял хладнокровия: никак не отреагировал на немую насмешку, выпрямился и с серьёзным видом остановился. Холодные голубые глаза столкнулись с пылающими уверенностью медными в молчаливой схватке. Со стороны это походило на мысленный бой. Его не слышали остальные, но отчётливо видели, что ни одна атака всё никак не попадёт в цель. Ребята не решались мешаться у бьющихся под ногами и наблюдали издалека, как один безрезультатно пытается испепелить взглядом другого. Казалось, битвы им привычны и не доставляют какого-либо дискомфорта, может, так они обычно и общались.

Свету смутило, как этот «знакомый» вообще изволил потратить своё драгоценное время на Захара, если отношения у них были не из лучших. Игра была настолько скучной? Да и стал бы Захар доверять такие тайны своему недругу? Когда-нибудь она обязательно всё разузнает, но сегодня сдержит ещё не одну сотню вопросов.

На пару из них шёпотом уже успела ответить Амалия. Парня звали Федя Чиветта. Наверное, имелись иностранные корни. Рост не меньше метра восьмидесяти, развитая мускулатура, широкие плечи и спина, особенно явные в обтягивающей чёрной футболке, сразу выдавали в нём спортсмена, себе подобных Света могла заприметить и на расстоянии километра. Правда, расслабленный и в то же время не скрытый надменный вид не вызывали доверия. Сколько бы общих тем для обсуждения у них потенциально ни было, она вряд ли охотно завела бы с ним разговор. Он достаивал окружающих лишь коротким скучающим взглядом, словно те были для него недостойными внимания букашками, а их единственная функция – раздражающе

жужжать в сторонке. Однако в Захаре он отнюдь не скучающим взглядом, похоже, собирался проделать дыру.

Наспех уложенные, чуть вьющиеся чёрные волосы растрепались во время игры. Феде пришлось вынуть из кармана одну руку, чтобы пригладить их. Наигранно устало вздыхая и прикрывая глаза, он навалился плечом на ограждение и склонил голову набок. С не менее наигранным интересом он, ухмыльнувшись и глянув на Захара сверху вниз, низким голосом спросил:

– Чем обязан такому внезапному визиту? – Не сверху вниз Федя не мог смотреть на него физически: их разница в росте превышала двадцать сантиметров. Захар и выдающимся телосложением похвастаться не мог, поэтому на фоне Феде походил скорее на младшекласника, чем на «гостя» с серьёзными намерениями.

– Есть одно дело, *необычное*, – без приветствия сразу перешёл к сути Захар, выделив последнее слово, как некий код.

– Вот как. Куда они вляпались, что понадобилась посторонняя помощь? – Федя хохотнул, впервые за всё время бросив беглый взгляд на остальных, заставив их неловко переминаясь с ноги на ногу. Вернее, только Амалию и Тихона. Сабина тряслась лишь оттого, что сдерживала порыв кулаками напомнить Феде, как к нему относится. Света просто переводила взгляд с Феде на Захара, пытаясь осознать необходимость обращаться за помощью к столь неприятному человеку.

– Я не могу говорить об этом здесь. И это касается не только нас.

– Вы там мир спасти собрались? – небрежно и чуть повысив громкость кинул Федя, глядя сверху вниз на остальную компанию. – Не помню, чтобы когда-нибудь говорил, что хочу участвовать в ваших детских играх.

– Но однажды упоминал, что не прочь войти в историю, – вдруг напомнил Захар, в его взгляде проскользнул лёгкий огонёк хитрости. Федя вскинул бровь и переключил всё внимание на Захара, вновь потеряв интерес к ребятам. Захар усмехнулся резкой смене фокуса и продолжил. – У нас есть доказательства правдивости одной интересной легенды.

– Чего... – Федя так удивился, что перестал лежать на ограждении и выпрямился, всё не высовывая рук из карманов. – А я говорил, что они на тебя плохо влияют. Поясни.

– Не здесь.

Ничего более не объясняя, Захар просто развернулся и прежней уверенной походкой направился в сторону пустыря у соседних домов. Федя прыснул, но без слов последовал за ним. Лишь на миг застопорился, проходя мимо Светы. Он скользнул небрежным оценивающим взглядом по незнакомой фигуре и бросил, не обращая ни к кому конкретному:

– А это кто? В ясельной группе пополнение?

– Новенькая в классе, – пояснил Захар. – Из наших.

– Не понял. – Федя вновь замедлил шаг, поравнявшись с хранящей молчание Светой. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не отвечать и лишней раз случайно не оскорбить его. – А, вот оно что. Какой умник в неё так глубоко силу затолкал?

Света на миг застыла. Неужто он нашёл её биополе, взглянув лишь раз? Обелиском Федя был явно не простым.

– Мы пока не знаем, – ответила за Захара Амалия с привычным дружелюбием. На Федю её светлая аура никак не влияла, он лишь коротко покосился в её сторону, продолжив блуждать взглядом по окружающему их пейзажу. – Но постараемся узнать.

– А ещё постарайтесь, чтобы она от волнения случайно в школе не превратилась, – усмехнулся Федя своей же шутке. Свете уже давно надоело его поведение, с каждой минутой попытки не говорить оскорбительного давались всё труднее. – И что, только вчера обо всём узнала?

– Именно, – вмешался в разговор Захар, удивив Федю ответом, но лишь на секунду.

Пустырь был достаточно просторным, на таком отдалении случайные прохожие точно ничего не услышат. Захар остановился и вновь без прелюдий принялся излагать всё, лишая Федю удовольствия лишней раз удивляться красочным эмоциональным подробностям:

– Света и Амалия нашли на чердаке их дома кубки Солнца.

– Чё? – Федя при всём уважении не спешил верить всему, что говорит Захар, тот сейчас больше походил на ребёнка, придумывающего сказки на ходу. Но его серьёзности он всё же смутился.

Захар кивнул Амалии, и та поспешила достать из рюкзака шкатулку. Федя заметно заинтересовался, не теряя угрюмого вида, даже потратил силы, чтобы сделать пару шагов в её сторону. И при виде содержимого едва сдержался, чтобы не раскрыть рот от удивления. Он вперил шокированный взгляд в Захара, словно тот был его галлюцинацией.

– Какого... Где это вы живёте? – Федя так же уставился на Свету и Амалию.

– Мы полагаем, что кубки лежат в доме с прошлого века, и их прежний хозяин уже давно мёртв, – продолжил Захар. – В шкатулке лежала записка, там сказано, что один из четырёх дневников на чердаке городской библиотеки. Мы только что сходили туда, но Марфа Ивановна отказалась пускать нас в архив. На чердак ведёт ничем не заблокированное окно, поэтому мы могли бы попасть туда через него. Не без вашей помощи, чтобы не наделать шума.

– Ясно. Сов приручать пришли, – усмехнулся Федя, поумерив пыл.

Собственный вывод его порядком позабыл. Захару пришлось в очередной раз сдерживаться, чтобы не закатить глаза. Света с самого начала не понимала, в чём заключалась идея Захара, а после этой его реплики происходящее окончательно превратилось в её глазах в сюрреалистичный театральный этюд. Слов уже не хватало, и в ожидании объяснений она просто уставилась на Захара, постаравшись выразить на лице всё замешательство в полную силу. Благо, он умел понимать людей без слов:

– Федя и его сестра – совы, поэтому могли бы залететь на чердак через окно, не тревожа ни охранника, ни случайных прохожих снаружи.

– А ещё я на ранг выше вашей компашки и сам могу решать, хочу вам помогать или нет, – заметил Федя, надменно оскалившись. – Где ты услышал, что я согласился? Что мне будет за помощь?

– Вариант войти в историю как обелиск, отыскавший все четыре пары артефактов, тебя не устраивает? – с наигранным удивлением спросил Захар, вскинув бровь.

Федя усмехнулся его парированию, но не мог не согласиться. Признанию его заслуг он был рад всегда, и уж тем более таких серьёзных. Легенда ему известна так же хорошо, как Захару, потому он сразу признал в кубках те самые. Оглядев ребят скупающим взглядом, он вновь обратился к товарищу, для усиления эффекта преувеличив интонацию:

– Только один я не пойду. Не могу оставить свою любимую сестру без внимания! – Федя развёл руки в стороны и, тут же вернув их в карманы, направился обратно во двор.

– Нам необязательно прибегать к помощи вас обоих. Достаточно будет кого-то одного, – поспешно предупредил Захар.

– Ну уж нет, хватит ей просиживать одно место дома. Прогульнётся хоть, чего это я один пахать буду? В час ждём вас в ближайшем от библиотеки переулке.

Не прощаясь, Федя скрылся за забором в сопровождении внимательных взглядов. Снова на пустыре стало тихо, только приглушённые детские голоса долетали с площадки во дворе. Но шумная компания не могла сохранять тишину слишком долго.

– А похвалить меня за самообладание? – возмутилась Сабина, обращаясь к Захару.

– Спасибо, что не послала его в первые две секунды, я очень благодарен.

– Да он мутный тип, – не скрывая подозрений, заявила Света. Наконец-то можно было выпустить хоть часть эмоций. Она тоже едва держалась, чтобы не ответить на его хамство, и была как никогда близка к провалу.

– Нет, дело не в этом, – устало выдохнул Захар, потирая рукой висок. – В некоторых ситуациях на него действительно можно положиться. Он способен здраво мыслить и прекрасно это знает, но всё равно предпочитает ничего не делать и пускать на самотёк всё, что его не касается. Исключение – его личная выгода. Я бы даже сказал, что мы похожи. – Захар не без досады покосился в сторону двора. – Одно из главных различий – я быстрее иду на уступки и не могу оставлять всё как есть. Поэтому он считает меня бесхарактерным.

– Короче, он придурок, – подытожила за брата Сабина, стоявшая всё это время с руками в карманах. Чем теперь напоминала Федю, подумала Света. – И вместо нормальных занятий предпочитает прохладиться или делать исключительно то, что нравится *ему*. Но Захара почему-то уважает.

– И обелиски они с Агатой сильные, – заметила Амалия. – Они двоюродные, Федя – филин, Агата – сова. Оба серебряной масти. Их дядя тоже филин, но тётя – обычный человек. Даже без тренировок в бою они одолеют нас как детей. Ну... разве что Сабина им достойный противник.

Сабина громко хмыкнула, демонстративно отвернувшись в противоположную от ненавистного двора сторону. Тихон с грустью вздохнул, что-то рисуя на песке подошвой кроссовки.

– Как ты назвал эти кубки? – вспомнила Света, уставившись на Захара. Ему предстоит ответить ещё на кучу вопросов, хочет он этого или нет.

– Кубки Солнца. Также есть мечи Луны, жезлы Венеры и пентакли Марса. Понятия не имею, по какому принципу им давали название, возможно, об этом сказано в дневниках.

– Их бы найти ещё, – выдохнула Сабина, устало потягиваясь.

– Чиветта согласилась, так что задача становится куда проще. Пока подумайте, как улизнуть из дома посреди ночи.

– Не впервой, – развела руками Амалия.

Света вскинула бровь. Сабина и Тихон согласно закивали, посмеиваясь. Похоже, ребята несколько не преувеличивали, называя свои приключения «опасными, но захватывающими». Команда по исследованию заброшек выбиралась на прогулки исключительно днём и только под строгим надзором Гордея, а они не стеснялись ввязываться в подобное даже ночью.оборотни, что с них взять...

Оставшееся до ночи время ребята гуляли и рассказывали Свете тысячи историй: от «гениального» плана по списыванию контрольной по математике до побега от охранников заброшенного завода. Ни на секунду Света не засомневалась, что так кстати появившаяся новая компания идеально подходила под все её интересы. Но не могла на миг не загрустить. Кате и Герману тоже наверняка понравились бы ребята. Вот бы они приехали на ближайших выходных, чтобы познакомиться с её новыми друзьями...

В полночь родители и Катерина уже крепко спали, но ночь Светы и Амалии только начиналась. Выждав ещё полчаса, они оделись во всё чёрное и выбрались на улицу. Не могли сдерживать порыва поиграть в шпионов из фильмов, да и кто запрещал? Под кожаную куртку Света натянула любимый жёлтый топ. Она всегда надевала его, чтобы похвастаться перед окружающими своей спортивной фигурой. Амалия не стала сдерживать белую зависть и пообещала, что когда-нибудь добьётся такого же результата. Света убедилась, что если сестра будет бегать по утрам вместе с ней, быстро достигнет желаемого. И тут же вспомнила, что сегодня утром обе благополучно забыли о пробежке. Пришлось навёрстывать сейчас и бегом добираться до библиотеки, лавируя между теней и избегая освещённых участков. Какой хороший шпион раскроет себя?

Девушки уже заметили на горизонте нужное здание, когда в одном из переулков их шёпотом окликнул Тихон. Сёстры тут же свернули, а Сабина с Захаром, тоже прибывшие вовремя, приветливо помахали им. До часа оставалось ещё десять минут.

– Как же всё-таки хорошо, что Новый Оскол такой маленький, – разминаясь, радовалась Сабина. – На улицах и так мало народу, а уж ночью подавно.

– А если нас кто-то и заметит, о наших ночных походах узнает вся округа. Действительно удобно, – ворчал Захар, всё ещё жалеющий о таком дерзком плане. Он окинул Свету и Амалию слегка обеспокоенным взглядом. – Как у вас всё прошло?

– Дома все уже видели десятый сон, на улице никого не встретили, – отчиталась Амалия.

– Как с охраной в библиотеке? – выясняла Света.

– Охранник есть, но сов услышать не должен, – объяснил Захар, косясь на принявших образ «шпионов» девушек. – У них самый тихий полёт среди других птиц. К тому же обоим хватит ума не создавать лишний шум.

– Почему ты так уверен? – не поняла Сабина. Федя с Агатой её раздражали, а ещё сильнее её раздражало то, что Захар этого мнения не разделяет. Тот приглушённо вздохнул.

– Им незачем вредить нам: они действительно захотят найти все четыре пары артефактов, даже если придётся работать совместно с нами. Однажды мы беседовали кое о чём, и я сделал определённые выводы на их счёт, так что верьте мне. И ещё, – он обратился к Свете, – я понимаю, что первое впечатление Федя производить не умеет, но на самом деле он не плохой человек. Несмотря на то, что говорит, всё, что он делает – делает искренне, как и Агата. Чтобы убедить их помочь, приходится создавать иллюзию того, что они действуют назло и при этом получают выгоду. Может показаться, что они слишком язвительны, прямолинейностью я бы это тоже не назвал, но оба никогда не станут врать в лицо, разве что только самим себе. Да, их трудно заставить работать с нами сообща, но людей они отталкивают по привычке, а не потому, что хотят их чем-то задеть. Несмотря на сложный характер, они могут быть ценными союзниками.

– Короче, ты хочешь, чтобы я и дальше игнорировала его насмешки? – нехотя уточнила Света. Насчёт Агаты она пока ничего не могла сказать, даже в глаза её ещё не видела.

– Именно. Считай это ценным опытом общения с такими вот людьми. Возможно, вскоре они привыкнут к нам и перестанут считать за детей...

– Но в этом ты всё же не уверен?..

– Не уверен лишь, как скоро это произойдёт.

– И почему тогда не ходишь с их компанией, а остаёшься с нами? – с толикой обиды проговорила Сабина. – Ты так хорошо их понимаешь и хвалишь, почему бы просто не перейти на «более зрелую сторону»?

– Для их же блага. – Сабина едва заметно вздрогнула, а Захар поспешил объяснить прежде, чем сестра опять что-то себе надумает. – Они рискуют всю жизнь стоять особняком, никого к себе не подпуская, а меня одного недостаточно, чтобы это изменить. Я жду, когда они сами поймут, что мы не «ясельная группа», занимающаяся ерундой, а просто люди, любящие проводить время «странным» образом. Агата с самого детства всё свободное время проводит за учебниками, а Федя на спортивных площадках. Ещё пара лет такого нескончаемого дня сурка – и их нервы начнут сдавать. Может показаться, что они сами выбрали такую жизнь, но это не так. И я понял это совсем недавно.

– Своди их к психологу, в чём проблема? – небрежно кинула Сабина, не желая мириться с тем, что брат пытается оправдать грубости этих двоих.

Захар прекрасно понимал, почему она так этому противится, но и рассказать всего не мог, потому что Федя с Агатой сами попросили не посвящать других в детали. Он и так наговорил лишнего и теперь надеялся, что ребята и дальше не будут воспринимать всерьёз это его мимолётное сочувствие или вообще забудут всё, что он сказал.

Федя уже перешёл черту, за которой начинается более-менее нормальная жизнь: он всегда предпочитал делать то, что ему хочется. Просто обстоятельства заставили его считать то,

что ему навязали, тем, что ему нравится. Пусть он этого пока не понимает, но уже почти готов всё осознать. С Агатой дела обстояли куда сложнее.

Ровно в час в переулке бесшумно появилась незнакомая Свете девушка. Вероятно, Агата.

Ребята не сразу заметили, как она оказалась у Светы за спиной. Амалия с Тихоном при виде её подскочили, словно увидели призрака. Она действительно была на него похожа: не издала ни звука, молча остановилась поодаль от остальных с лишённым эмоций лицом, только чуть хмурила светлые брови. Агата скрестила руки на груди и блуждала скучающим взглядом голубых глаз, скрытых под длинными белыми ресницами, по кирпичным стенам переулка. Даже грудь едва вздымалась от дыхания, словно оно и вовсе отсутствовало. Длинные белые волосы мерно колыхались от лёгкого прохладного ветра за идеально ровной спиной, только они напоминали, что перед ребятами не каменное изваяние, а живой человек. И всё равно Света охотнее назвала бы Агату куклой, чем человеком.

Выждав пару секунд, пока ребята её наконец-то заметят, она, не обращая внимания на их лёгкий ступор и не удостоив никого даже коротким взглядом, проговорила:

– Надо же, не опоздали.

– А брат твой где? – тут же опомнилась Сабина. Агата и теперь не отрывалась от разглядывания кирпичной стены напротив. – Передумал по пути?

– Понятия не имею.

Тихон с Амалией неловко переглянулись. Сабина едва держалась, чтобы не нарушить просьбу Захара не говорить ничего лишнего, но не могла не заметить, указывая на Свету:

– Это Света, новенькая и тоже обелиск.

– Мне плевать.

Агата всё также скучающе поглядывала то вдаль, то в небо. Света могла поспорить, что даже когда Агата только появилась в переулке, ни на секунду не задержала взгляд на незнакомом силуэте. Подумаешь, к горстке пыли добавилась ещё одна пылинка. До чего же странные эти совы...

– Федя рассказал тебе, что мы хотим сделать? – обратился к Агате Захар, та окинула его пренебрежительным взглядом. Его это, впрочем, нисколько не задело.

– Федя потратил много сил и времени, чтобы её с собой взять, так что пора вам придумать дополнительную награду за особое старание, – послышалось из-за спины Агаты.

Ребята, обернувшись, увидели, что Федя наконец прибыл на место, попивая газировку из цветастой банки. Закончив с напитком, он одной рукой с шумом смял её и забросил в большой мусорный бак позади Тихона и Сабины. Раздался громкий звон металла, бьющегося о стеклянные банки, которые покоились среди остального мусора. Вновь его руки лежали в карманах, а выражение лица точь-в-точь повторяло выражение лица Агаты. Она лишь на миг покосилась в его сторону.

– Отлично, давайте начинать! – задорно объявил Тихон и уже было двинулся к выходу из переулка, как в стену в сантиметрах от его лица вонзился острый чёрный предмет, блеснув в темноте и заставив его застыть на месте.

Тихон недоуменно уставился на Федю. Выражение его лица нисколько не поменялось, а вот Сабина сжала губы в тонкую полоску и сильнее стиснула кулаки. Договор с братом с каждой такой выходкой всё сильнее рисковал обернуться горкой клочков порванной бумаги. Ярость Сабины до кучи ещё и сожгла бы её. Пока она пыталась в попытках не броситься в драку, Света внимательнее пригляделась к чёрному предмету. Тот моментально растворился в воздухе, но она успела разглядеть в нём отчего-то затвердевшее и чем-то напоминающее кристалл перо. Может, это и был простой нож, но как же он мог быть простым, если тут же исчез? Она метнула взгляд на Федю: его правая рука уже не лежала в кармане, и только что на ладони промелькнуло, прежде чем так же скоро исчезнуть, ещё несколько чёрных, совершенно обычных перьев. Он превращает их в клинки?!

– Ничего вы не начнёте, – исправил Тихона Федя, сверля его холодными голубыми глазами. – Мы вдвоём полетим туда, вы просто будете стоять здесь и ждать. – Он вопросительно уставился на Захара. – Ты *так* им всё объяснил?

– Это правда, мы ничем не поможем на чердаке, потому что просто не сможем туда попасть, – подтвердил Захар, обращаясь к остальным. – А светиться у входа ещё глупее, чем в целом тайно проникать в библиотеку.

– Ну... Удачи? – неуверенно пожелала совам Амалия, ободряюще улыбаясь.

Оба ожидаемо проигнорировали её и развернулись. Света едва успела разглядеть, как Агата с Федей обернулись белой совой и чёрным филином: она лишь моргнула, а в небо уже бесшумно взмыли две большие птицы. Остальные переглянулись, думая каждый о своём. Если Света так и продолжит удивляться каждой мелочи мира оборотней, растратит все силы там, где не следует. Они понадобятся много где ещё.

Избегая света фонарей, совы ловко впорхнули в узкое отверстие круглого окна на чердаке библиотеки. Пол, усеянный мусором, был бетонным – хотя бы не будут скрипеть деревянные половицы, уже хорошо. Обернувшись людьми вновь и мягко приземлившись, Федя и Агата прислушались. Ни звука – можно приступить к поискам.

Федя вытащил из кармана телефон и для удобства включил фонарик, Агата без слов повторила его действие. На чердаке и вправду не было ни одного стеллажа: освещая один угол за другим, они видели только плесень, осколки штукатурки и поломанную мебель, даже случайно брошенной никому не нужной книжки не имелось. Хозяева библиотеки, по всей видимости, использовали чердак как свалку и не желали выбрасывать весь хлам туда же, куда нормальные люди относят мусор. В одном углу валялся не пригодный для хранения чего-либо комод, обе его дверцы слетели с петель и были скиданы в сторону, прикрыв собой кучи картонных коробок и прочего хлама. По углам валялись обломки деревянных стульев вперемешку с кусками поломанных досок и бумаги.

Федя направился к комоду, наступая на более-менее чистые участки пола, Агата аккуратно прокралась в противоположную сторону, чтобы, скрепя сердце, попытаться рассмотреть в горах мусора нечто, напоминающее дневник.

Потратив на поиски достаточно большое количество драгоценного времени, совы пришли к выводу, что ничего интересного здесь нет. Федя уже хотел шёпотом выругаться, как его взгляд привлекло кое-что, выделяющееся из общей картины. Они были так увлечены всем этим мусорным хаосом, что едва не упустили новенького вида дверь прямо напротив окна. И действительно, эта часть чердака по площади была намного меньше первого этажа. За дверью определённно что-то было, далеко не лестница: люк от неё уже имелся посередине комнатки – квадратная дверца, по всей вероятности, запертая на ключ изнутри.

Федя прошагал к двери, освещая замок фонариком телефона, и, нагнувшись, взгляделся в скважину. Попытался направить свет прямо в щель, но кроме тьмы ничего не увидел. Агата отпихнула брата, еле сдержавшего громкое возмущение, и медленно повернула ручку двери. Та не поддавалась – закрыто.

Пока в переулке ребята напряжённо ожидали результатов поиска, Захару пришло сообщение от Феде. Он тут же прочитал: «Здесь есть дверь». Захар нахмурился. Насколько ему известно, ни Федя, ни Агата не отличались талантом к вскрытию замков. Но, кое-что вспомнив, он быстро напечатал: «Есть проход на крышу?».

Федя направил свет фонарика на потолок: у стены и правда имелась небольшая обшарпанная лестница с люком. Он тут же набрал ответ.

– Кто-нибудь умеет вскрывать дверные замки? – обратился Захар ко всем.

Пока Амалия, Тихон и Сабина озадаченно переглядывались, Света смущённо притихла. Как бы стыдно ей ни было это признавать, она и впрямь успела научиться отпирать замки обычными шпильками для волос.

У неё был талант к подобным махинациям. Однажды, обходя вдоль и поперёк очередную заброшку, их компания наткнулась на запертую дверь в одну из комнат. Света, словно ведомая кем-то извне, принялась пытаться вскрыть замок лежавшей неподалеку скрепкой. И спустя минуту потуг едва не отшатнулась от характерного щелчка. Тогда им удалось обойти всё здание, включая даже запертые двери.

Вдаваться в подробности приобретения этого навыка Света пока не хотела, но всё-таки неуверенно помахала Захару рукой. Тот на миг вскинул брови, но, оставив расспросы на потом и не теряя времени, быстро набрал ещё одно сообщение. Ответ пришёл тут же. Захар обратился к Свете:

– Они занесут тебя на крышу. Там есть проход на чердак и запертая дверь в другой его отсек. Сможешь отпереть оба замка?

– Думаю, да. – Хотела бы она сказать «конечно», но не стала. Ещё подумают, что она бывалая несовершеннолетняя преступница...

Оставалось только напряжённо гадать, как именно совы собираются транспортировать Свету на крышу. Неожиданно скоро на небе вновь показались знакомые силуэты. Они не стали превращаться обратно: не дав Свете опомниться, просто схватили её за шиворот сильными цепкими лапами и взмыли над крышами.

Света никогда не боялась высоты, но, если на протяжении бесконечных по ощущениям пары секунд висеть в десяти метрах над землёй, рискуя в любой момент выскользнуть из куртки, невольно задумаешься, сколько всего ты ещё не успел сделать за свою короткую жизнь. Внешне Света, конечно, не показывала мимолётный страх, но на лбу предательски проступили редкие капельки пота. Она едва сдержалась, чтобы шумно не выдохнуть, когда ноги наконец-то почувствовали твёрдую поверхность черепичной крыши.

Чтобы не дать страху разрастись, Света сходу приступила к делу. Совы устроились на коньке крыши, как на жёрдочке, а она достала из кармана шпильку, одолженную у Амалии, и прокралась к запертому люку. Света могла лишь предположить, показался ли бы на лицах Агаты и Феде хоть намёк на удивление при виде того, как она спокойно пролазит в уже открытый люк, будь они в человеческом облике. На самом деле ей было глубоко плевать, пусть хоть в обморок от удивления падают. Просто она и сама приняла бы себя за скрывающуюся под личиной обычной школьницы воровку, не один десяток раз вскрывшую замки чужих домов. Впрочем, об Агате и Феде она думала не лучше.

На чердаке Света тоже включила фонарик. Следом бесшумно спустились и совы. Они так ничего и не сказали, продолжали молча с безразличными лицами посматривать, как Света с той же ловкостью борется со вторым замком. Наконец, и тот был побеждён. Ни скрипа, ни шёпота, ни какого-либо другого шума: все трое безмолвно прошли во второй отсек.

Похоже, это и был тот самый архив, о котором говорил Захар, однако задачу этот факт несколько не облегчал. Как они собираются найти среди всего этого добра определённый дневник, о внешнем облике которого они не имеют представления? Здесь было не меньше тысячи старинных книг, к тому же темно – хоть глаз выколи, даже фонарик не спасал.

Пока Света неуверенно топталась у входа, перемещая свет фонарика из одного угла в другой, Агата, едва сдерживая раздражение, бесшумно прошагала к одному из стеллажей. Федя, подавив усталый вздох, отправился в другую сторону. Свете ничего не оставалось, как не дыша прокрасться вперёд.

Она редко мыслила пессимистично, но вид книжек всякий раз наводил её на мрачные думы. Света уже представляла, как спустя час безрезультатных поисков они втроём ни с чем возвращаются к остальным, и на этом их «расследование» всё-таки заканчивается. Но как только ступила вглубь архива, едва не подскочила на месте: сердце вдруг дёрнулось так резко и сильно, что толчок эхом прошёлся по всей груди, звоном доходя до ушей. К голове прилила кровь, на миг Света забыла, как дышать. Странное ощущение спало так же быстро, как

появилось, а на его место пришло новое. Что-то заставляло её идти к определённой стеллажу, управляло ногами против воли. Она не заметила, как вытащила с одной из полок старую потрёпанную тетрадь в твёрдой кожаной обложке, очнулась, только замерев на месте и глядя на находку в руке.

Ей понадобилась минута, чтобы окончательно прийти в себя и осознать, что держит в руках дневник с подписью «Нигредо. Книга Солнца». Солнце. Как в названии кубков. Быть не может, это не розыгрыш? Или искусное его продолжение? В голову ударил адреналин, на лице сама собой расцвела азартная улыбка, а глаза засверкали и довольно сощурились.

Света вновь взяла себя в руки и обернулась к совам, чтобы шепнуть об успехе. Федя и Агата даже не поверили ей: недоверчиво переглянулись и окинули её одинаковыми насмешливыми взглядами. И всё-таки быстро пришли к здравым выводам: на тетради определённо точно чётко виднелась характерная надпись. Это действительно... тот самый дневник?..

Они не стали тратить больше времени и вернулись в переулок тем же способом. Свете пришлось в очередной раз молиться, чтобы её не уронили посреди улицы по случайности или из наглости. Как только ноги Светы наконец-то почувствовали опору, совы, не превращаясь обратно и растворившись в тёмном ночном небе, просто улетели восвояси. Света на миг задумалась, не добрались ли они сюда в этом же облике? Поэтому появились так тихо, что даже идеальный слух Светы не позволил сразу заметить их?

Ребята встретили подругу такими громкими радостными воплями, что Захару пришлось их успокаивать. Ещё немного, и они разбудили бы весь район. Дневник спрятали в рюкзаке Амалии, который она предусмотрительно взяла с собой.

– Прочитаем утром, давайте по домам, – не дал им вновь устроить шум Захар. Компания тут же как по команде отправилась в путь.

Очередной плюс маленького города: всем пятерым было по пути. Шли переулками, так оставалось меньше шансов быть замеченными. Но совсем не разговаривать не выходило, радость от первого успеха нельзя вот так просто подавить. Сабина уже вовсю представляла, как ребята будут биться с Илларионом, Амалия с Тихоном накидывали свои странные варианты стратегии вроде «притвориться адептами и застать Розенкрейца врасплох», Света тоже не стала лишать себя комментариев и наглядно продемонстрировала, какими приёмами воспользуется при прямом столкновении с пепельными. Сабина окончательно вошла во вкус, и теперь девушки в шутку наносили друг другу атаки и уклонялись, едва не падая от смеха. Захар хоть и радовался не меньше остальных, был вынужден то и дело шикать, чтобы ребята хотя бы немного сбавили громкость. Он был больше чем уверен, что компания и так уже поставила на уши все ближайšie дома, но не мог не надеяться на мизерный шанс удачи.

– Кто нашёл дневник? – спросил он у Светы.

– Я. Интуиция подсказала.

– Интуиция? – Захар удивился сильнее, чем девушка ожидала. – Может, тебе и повезло, но с куда большей вероятностью у тебя проявилось усиленное чутьё обелиска.

– Э... Хорошая интуиция разве не может быть и у обычного человека?

– Чутьё человека и обелиска отличается. Ты почувствовала что-то странное, перед тем как найти дневник?

Света задумалась, тщательно воспроизводя события десятиминутной давности в голове, и неуверенно ответила:

– Не знаю, показалось мне или нет: сердце как будто удар пропустило, а неведомая сила сама переставляла мои ноги.

– Вот оно. Это не просто интуиция! – воодушевился Захар, превысив установленный собственноручно порог громкости и заставив остальных подскочить от неожиданности. Света вновь озадаченно почесала затылок. – Такая есть только у достаточно сильных обелисков. Как

видишь, даже Агата и Федя не смогли найти дневник. Такой талант должен передаваться по наследству. Твои родители точно обычные люди?

– Насколько нам известно, – ответила за Свету Амалия, разводя руками. – По крайней мере, так говорила мама. Но в Свете, наверное, могли проявиться гены пумы, как у нас...

– Могли ли запечатать мою силу родственники? – задумалась Света. – И в какой момент печать исчезла? На въезде в Новый Оскол?

– Понятия не имею... – покачал головой Захар. – Такая магия встречается крайне редко, даже не знаю, что и думать.

Амалия понуро опустила голову, а Света задумчиво подняла взгляд к чистому ночному небу. Мириады звёзд отрешённо глядели на неё, но ни одна не упала, чтобы ответить на все их вопросы. Сёстры второй день подряд только и делали, что терзали себя догадками. Если хотят понять хоть что-то, придётся не только искать артефакты, но и решать загадку печати Светы. Она приехала всего пару дней назад, а дел навалилось уже так много... Но сколько бы сложностей ни преграждали ей путь, она в любом случае пробьётся напролом! Так было всю жизнь, будет и впредь.

Шутки и эйфория от первой удачи заглушили адреналин, ребята окончательно расслабились и потихоньку начали зевать. В это время даже оборотни уже давно ложатся спать. Но также быстро сон рассеялся порывом холодного ветра коварных неожиданностей. Пока вспоминали очередную забавную школьную историю, им вдруг преградили путь. С самого начала Свету как током прошибло неприятное предчувствие, вид вмиг напрягшихся ребят, что минуту назад весело хихикали и отпускали шутки направо и налево, лишь усилил его. При виде незнакомца Света рефлекторно встала в стойку и прикрыла лицо крепко сжатыми кулаками, готовая отбиваться врукопашную, остальные тоже застыли, вперив нахмуренные взгляды в «препятствие».

В десятке метров от них остановился самоуверенного вида парень лет двадцати с надменным выражением лица. Света невольно вспомнила сов. Слишком уж часто ей стали встречаться подобные неприятные личности. Он остановился под светом единственного в округе фонаря, отбрасывая на сырую землю длинную чёрную тень, и окинул компанию снисходительным взглядом, будто натолкнулся на прогуливающих уроки школьников и был намерен отчитать их, будучи их строгим учителем. Слегка растрёпанные короткие серые волосы колыхались на лёгком ветру, а серые глаза сверкали недобрыми, даже хищными огнями. Увидев замешательство на их лицах, он насмешливо оскалился.

– Какая досада, – протянул он. – Родители не научили вас, что воровать нехорошо. Вам даже хватило наглости проникнуть на частную собственность. Не поздновато ли детишкам гулять в такое время?

– Это пепельный, – не спуская глаз с парня, вполголоса предупредил Свету Захар.

Глаза её тут же округлились, зрачки сузились, а мысли лихорадочно заметались. Тогда в кафе с Катей и Германом она тоже видела двоих мужчин с серыми волосами, неужто те тоже были пепельными?! Они теперь ведут дела и в Белгороде? И странно смотрели на Свету, потому что почувствовали в ней обелиска? Получается, печать спала уже тогда? Амалия говорила, что адепты не трогают обелисков, пока те сами не нападут. Но что тогда нужно этому? Какого чёрта здесь вообще происходит?!

– Ну да, пепельный. – От его зловещего смеха кровь застыла в жилах ребят. Даже Сабина напряглась как никогда, пошире расставила ноги и приготовилась к внезапной атаке. – Поправочка: адепт Розенкрейц. А вы – обелиски. И с детства прекрасно знаете, за какую черту вам не следует переступать. Почему же заставляете нас применять меры сейчас?

– Какие ещё меры? – не выдержала Сабина, улавливая зоркими глазами каждое движение парня. – Что мы такого нарушили?

– Ха-ха!

Пепельный рассмеялся так, словно Сабина рассказала смешную шутку. Та раздражённо стиснула челюсти, с трудом сдерживая порыв наброситься на адепта уже сейчас. Он вдруг быстро успокоился и исподлобья вперил в ребят полный презрения, даже отвращения, взгляд:

– Вы рылись на чердаке здания, которое находится под нашим контролем. Это вполне можно расценивать как нападение, нарушающее известный вам контракт. Вы могли бы проигнорировать этот факт и собственными руками развязать войну, в ходе которой погибнут все ваши близкие и вы сами. – На лице его вновь сверкнула надменная полуулыбка, острые клыки блеснули в рыжем свете фонаря. – А могли бы поступить так, как вам скажу я.

Ребята и сами прекрасно понимали, что Розенкрейц настолько пристально наблюдают за каждым их действием, что при желании могут найти повод для войны даже там, где ему быть не положено. Но шанс избежать худшего исхода был в интересах ребят, потому никто не решался говорить лишнего. Расценив молчание как согласие на переговоры, пепельный, чуть посерьёзнев, продолжил:

– Вы отдаёте то, что только что украли, я ничего не докладываю начальнику, и мы расходимся с миром. Это маленькое недоразумение останется только между нами. Советую обдумать всё и поступить по-взрослому. Хотите ли вы, чтобы ваша детская игра превратилась в резню?

– Мы... – тут же запнулась Амалия, сжав губы от обиды.

– И что же мы украли? – неожиданно для всех поинтересовался Захар.

Ребята застыли, все взгляды тут же устремились к нему, даже пепельный, замерев, удивлённо вскинул брови. Захар же выглядел так уверенно, будто сейчас не рисковал ввязаться в бой не на жизнь, а на смерть, а просто вышел вечером выходного дня на прогулку. Ни один мускул не дрогнул на его лице, он молча выжидал, когда пепельный ответит на вопрос.

– Это не имеет значения, – с угрозой в голосе отрезал адепт, испепеляя обелиска взглядом. – Вас видели с какой-то книжкой на крыше библиотеки. Абсолютно всё, что находится в архиве – собственность Розенкрейц. Думаете, кража не будет считаться кражей, если это никому ненужная тетрадь?

– Вот как, – спокойно проговорил Захар и с виноватой улыбкой оглянулся к ребятам. – Это первый раз, когда я на такое иду, но сейчас мы обязаны побороться. – Он нахмурил брови, сосредоточенно уставившись на пепельного. – Готовьтесь к бою.

Хмыкнув и вновь блеснув клыками, адепт вынул руки из карманов и неторопливо шагнул в их сторону.

– Он и сам знает, что ещё не время развязывать войну, – шепнул Захар, чтобы его услышали только друзья. Они тут же наострили уши, внимая каждому слову. Пепельный не торопился начинать бой и медленно наступал. – Он не будет целиться в нас, лишь припугнёт, чтобы мы отдали дневник. А ещё понятия не имеет, что именно мы украли: просто выполняет приказ вернуть то, что принадлежит организации. Ждём подходящего момента и бежим.

– Незачем ждать момент, его можно создать!

Сабина ни за что не стала бы играть по правилам противника. Она азартно оскалилась, расставляя ноги ещё шире, Света молчаливо позавидовала её растяжке. Воздух наэлектризовался, из земли вокруг ребят вдруг призрачными облачками поднялось несколько десятков размытых образов, через мгновение обретших чёткие очертания всех пятерых. От восторга у Светы засверкали глаза. Это же иллюзии обелисков-лис!

Иллюзорные оборотни стояли в таких же позах, как настоящие, и точно также следили за приближением адепта. Тот раздражённо цокнул и вскинул руки. Воздух вмиг нагрелся, сменив прохладную октябрьскую ночь на жаркий летний полдень и тут же заставив ребят покрыться капельками пота. Раскалённые потоки воздуха переплетались и вились вокруг пепельного, становились всё ярче, обращаясь ярко-рыжими языками пламени. Ещё миг, и в руки парня змеёй скользнула цепь, словно отлитая из раскалённого металла. Он ловко раскручивал её наконец-

ник, и пока ребята заворожённо смотрели на струящиеся вокруг огня, со всей силы размахнулся и метнул его вниз, заставив цепь полностью раствориться в земле.

Света опешила. Амалия же рассказывала, что огонь адептов превращает материю в пепел, тогда что сейчас сделал адепт?! В неведении сердце забило ещё чаще, но на страх не было времени. Все пятеро вместе с иллюзорными образами кинулись врассыпную. Адепт тихо выругался. Детишки решили рассеять его внимание! Но как только толпа, подобно рою пчёл, принялась кружить по переулку, из-под земли со скоростью пуль взлетели десятки раскалённых цепей, разбивая в пыль все иллюзии разом!

У Светы перехватило дыхание: с таким же успехом эти цепи могли пронзить тела ребят! Не переставая бежать, она облегчённо выдохнула: настоящие обелиски уже неслись далеко впереди, к хорошо освещённой улице. Через переулки путь значительно короче, но цепи там станут серьёзной преградой. На улице же значительно возрастут шансы нарваться на камеры видеонаблюдения и редкий здравый смысл адепта: он вряд ли захочет светить своими способностями на глазах обычных людей.

Пепельный вновь выругался и, не раздумывая, погнался за подростками. Босс велел не дать им украсть его собственность, но при этом не развязывать войну. И как прикажете совместить несовместимое? Двое адептов несколько лет назад уже успели поплатиться за неудачную попытку, босс лично наказал их. То же ждёт и его за подобную ошибку. Хотя... Приказ начальника – закон, но кто запрещает обойтись минимальными травмами? Эти дети посмели бросить вызов Розенкрейц! Уж пару синяков смогут вытерпеть.

Свет фонарей наконец-то осветил лица ребят. Если вдруг покажутся прохожие, возникнет вопрос, что подростки толпой делают на улице в два часа ночи, но отстоять дневник куда важнее общественного мнения. Из всей команды у Захара была самая плохая физическая подготовка, но он, воодушевлённый общим успехом, бежал почти наравне с остальными. Адриналин делал своё дело, даже красная панда возымела достаточно смелости, чтобы бросать вызов этим сероволосым гангстерам!

Ребята обрадовались, успешно оторвавшись от преследователя, и слегка замедлились. До поворота оставалось всего ничего: каких-то пара метров. Именно в этот момент из-за угла вдруг неторопливо показался ещё один парень. Редкий прохожий, подумали ребята. Но в тот же миг ледяными статуями замерли и напряглись сильнее прежнего. Зрачки сузились от страха у каждого, даже обычно беззаботный Тихон забыл, как дышать. Прямо на них, на освещённой, усеянной камерами улице направляли дуло пистолета.

Им преградил путь парень примерно того же возраста, что и адепт с цепями, возможно, чуть младше. Он наставлял пистолет на ребят с таким отрешённым видом, будто в этом нет ничего предосудительного и незаконного. Оружие, как и цепи, на вид было создано из раскалённого металла, но пепельный не одёргивал рук. Оно и понятно: вся их группировка подчиняла себе огонь. Вот только у него были белые волосы. Не держи он в руках огненный пистолет, встретив его случайно на улице, ребята бы и не поняли, что он пепельный: из возможных внешних признаков у него имелись только серые глаза.

– Поднимите руки и верните книгу, – бесстрастно проговорил парень, руки его не дрогнули и сейчас.

– Как мы достанем её с поднятыми руками? – огрызнулась Сабина. Даже в такой ситуации не упускает возможности, подумала Света.

– Придумайте, – слышалось сзади.

Ребята осторожно оглянулись. Пока они в ступоре стояли под дулом пистолета, их успел догнать первый адепт. Он выглядел таким раздражённым, будто был готов выгнать компанию одним только взглядом и без помощи цепей.

– Убьёте нас прямо под камерами? – театрально удивилась Света.

– Какими такими камерами? – не менее театрально усмехнулся догнавший.

В тот же миг громкий треск и звон заставил ребят рефлекторно вскинуть головы. Все камеры, охватывающие этот участок улицы, разбила вылетевшие прямо из стен огненные цепи! Осколки раскрошенных до основания устройств с шумом повалились на асфальт. И что теперь сдержит пепельных?..

– Отдадите книгу – вас не тронут, – констатировал адепт с пистолетом, на его лице так и не дрогнул ни один мускул.

– Да просто стреляй уже хоть куда-нибудь! – нетерпеливо крикнул ему другой.

Ребята успели испытать леденящий ужас вперемешку с желанием любой ценой отвоевать дневник, но не двигались с места. Пепельный тоже не спешил стрелять. На миг Свете показалось, что по его лицу промелькнула тень жалости. Закончить мысль она не успела: эта ночь вывалила на них ещё не все странности.

Вокруг стугулилась тьма, тени удлинились, почти полностью почернели, и из этой черноты быстро прорастали чёрные шипастые розы. Асфальт вокруг стал поляной, покрытой струящимися теневыми растениями: теперь они были повсюду, будто кто-то разлил по тротуару целую бочку нефти. Воздух похолодел, в одно мгновение осень сменилась зимой, от прерывистого дыхания изо рта ребят испарялись облачка пара.

Конечности обелисков сковал леденящий ужас, они замерли, не в силах двинуться с места ни на миллиметр. Когда адепты успели научиться таким фокусам? Или это сила другого обелиска, переметнувшегося на сторону врага? В какую ситуацию они попали?..

Захар судорожно перебирал в голове кучу вариантов, что происходит и как им следует поступить, но впервые не мог найти ни одного подходящего и уже хотел признать поражение, чтобы обойтись меньшей кровью, но краем глаза заметил, что с адептами тоже творилось что-то странное. Оба застыли и покрылись холодным потом, не могли сделать и вдоха; их ноги опутали десятки чёрных стеблей, а ледяные шипы впились в их плоть. Тот, что управлял цепями, ещё пытался сохранять хладнокровие, но другой выронил пистолет и дрожащими руками сжал ткань на груди в попытках вдохнуть. Силы вмиг покинули его, и он опустился на одно колено, всё также дрожа то ли от страха, то ли от холода.

Теперь ребята ещё меньше понимали происходящее, но, не задумываясь больше ни на секунду, рванули на другую сторону улицы, пока адепты были обезврежены.

Как только обелиски скрылись, воздух вокруг вновь потеплел, стебли рассеялись, а тени вернулись в привычное состояние. Пепельный с белыми волосами тяжело вдохнул, окончательно осев на колени без сил и опершись руками об асфальт. Второй тоже испытал некоторый дискомфорт и, прокашлявшись, метнул гневный взгляд в сторону, где скрылись малолетние преступники, но тут же переключил гнев на напарника, который стоял куда ближе к нему. Даже не так – позорно припал к земле, проиграв бой с кучкой школьников!

– Почему не выстрелил?!

– Я не мог! – Парень, пошатываясь, поднялся и указал рукой на пистолет, лежащий на земле и уже постепенно рассыпающийся в пепел. – Это муляж. Я понятия не имею, как из него стрелять.

– Придурок, тогда придумай, как! – Адепт прикрыл глаза и с раздражённым рыком выдохнул, откидывая серую челку со лба. – Что это, нахрен, было?

– Может, босс знает? – Парень неловко озирался по сторонам, будто выискивая ответ на вопрос напарника. – Не похоже, что это были обелиски.

– Чёрт!

Здравый смысл сдерживал парня от яростного выкрика, от досады он хотел рвать и метать. Они только что с позором упустили толпу школьников, возмнивших себя воришками! Босс их за это по головке не погладит.

Глава 7. Маленький кусочек огромного пазла

На следующее утро Света уже не возмущалась принудительному пробуждению: душа требовала ответов и продолжения расследования. Будь её воля, она бы вообще не ложилась спать.

Вчера, когда ребята разбежались по домам, все согласились с идеей Захара собраться сегодня же утром у них с Сабиной дома. Сначала они хотели вновь отправиться в парк, но Захар настоял на квартире, так как никто не мог быть на сто процентов уверен, что адепты не будут преследовать их днём. А ночью им теперь и подавно лучше не высовываться.

Амалия и Света опасались, что с самого утра по телевизору первым же репортажем местных новостей будет эмоциональный и донельзя подробный сюжет о незаконном проникновении и краже в городской библиотеке, но, со всей внимательностью просмотрев получасовую программу от и до, они не услышали об этом ни слова. То ли журналистам не было дела до библиотеки, то ли Розенкрейц решили не оглашать эту информацию. Может, патрулирующим ночной город адептам просто нечего было делать, и они решили «поиграть» с так некстати попавшимися на их глаза ребятами, а сами хозяева библиотеки вообще не имели понятия о пропаже и списали открытые двери чердака на сквозняк или хлипкость старых замков.

Родители Светы с широко распахнутыми глазами наблюдали, как их дочь, прежде никогда не интересовавшаяся новостями и ненавидящая читать, пристально всматривается в экран на протяжении целого получаса и вчитывается в каждое слово бегущей строки. Даже на какое-то время забыли, что изначально хотели по-быстрому позавтракать, чтобы как можно скорее приступить к домашним делам, и не сразу притронулись к еде. Общение с Амалией явно шло ей на пользу. Того и гляди стабильные тройки сменятся чистыми пятёрками!

Как только новости закончились, уступив место продолжению слезливой мелодрамы, Света шумно выдохнула, едва сдержавшись, чтобы не растянуться без сил прямо на полу. От нудных новостей и попыток попеть за неизвестно куда торопящимся текстом мозг уже закипал. И как теперь читать найденный дневник вместе со всеми? Приключения – это хорошо, но интеллектуальных нагрузок на сегодня хватит, она лучше сразится с теми адептами. Компании уже хватает Захара, пожалуй, будет отличной идеей оставить всё как есть и помалкивать, слушая очередные его увлекательные лекции. Надо признать, из его уст любая информация звучала куда интереснее, чем на уроках в школе. То, что он говорит, зачастую понятно даже Свете.

Позавтракав, сёстры наспех собрались и отправились в гости к Сабине и Захару, не забыв о пробежке. Амалия едва попевала за Светой, решившей не сбавлять привычный темп: чем быстрее Амалия адаптируется, тем лучше. Она хотела поскорее догнать Свету в выносливости, а Света – очистить забитую скучными новостями голову. У неё не было журналистского образования, но без репортажей о бабуле, всю свою сознательную жизнь снабжавшей местных вкусным коровьим молоком, и о девушке, решившей завести у себя в сарае тетерева, на её взгляд, можно было обойтись.

Захар и Сабина жили в соседнем от Феди с Агатой дворе, таком же ухоженном и шумном. Захар написал им о том, что Федя с Агатой заняты, поэтому сегодня не придут и просили рассказать им всё, что ребята узнают, позже. Этому Света была несказанно рада. Услышь она ещё хоть слово из уст Феди в купе с испытанным во время просмотра новостей экзистенциальным ужасом, точно не обошлось бы без травм. Феде повезло, что судьба так благодушно решила оставить его пока в целостности и сохранности. Она будет искренне надеяться, что совы не появятся и на следующем собрании, и на следующем после следующего. Да и вообще больше не попадутся ей на глаза вместе с теми непутёвыми адептами.

Отец Огневых был директором строительной компании и часто разъезжал по командировкам, в этот раз он должен был вернуться как минимум через два месяца. Брат и сестра

давно привыкли жить самостоятельно: такие командировки у Константина Огнева проходили по несколько раз в году.

У входа в нужный подъезд сёстры поравнялись с запыхавшимся полусонным Тихоном. Любовью к ранним пробуждениям он тоже не отличался и зевнул по меньшей мере трижды, пока шагал навстречу Свете и Амалии. Раньше чем он успел их поприветствовать, до ушей девушек донёлся характерный звук молящего о пощаде пустого желудка. Тихон не стал его перебивать и всё же обошёлся лишь приветливой улыбкой. Похоже, даже не успел позавтракать. Втроём ребята набрали код домофона и поднялись по лестнице на нужный этаж. Дверь им открыла Сабина и, прежде чем поприветствовать, тоже протяжно зевнула. Она вообще проснулась только пару минут назад, в то время как Захар уже час стоял на ногах и теперь заваривал на кухне чай.

Едва почувствовав доносящийся с кухни запах только что пожаренной яичницы, Тихон вмиг разулся и помчался к долгожданному завтраку. Угощение предложили и Свете с Амалией, однако пока вторая, всё ещё стоя у входной двери, вежливо отказывалась, Свету не нужно было упрасивать: она уже сидела напротив Тихона и, прикрывая глаза от удовольствия, трапезничала второй раз за утро.

В квартире искусно совмещались привычный интерьер и черты китайской культуры. Сабина рассказывала, что их отец русский, а мама была родом из Китая. Женщины уже не было в живых, и чтобы дети не тосковали по матери, отец обустроил квартиру таким образом. Но, судя по тому, с каким спокойствием брат с сестрой об этом говорят, Света сделала вывод, что эта тема для них была не сказать что больной. Возможно, женщины не стало уже давно, но всё же развивать эту тему она не решилась и понадеялась, что брат с сестрой сами когда-нибудь поделятся подробностями.

На одной из стен кухни были нарисованы летящие в облаках журавли, на многих других красовались картины в технике традиционной китайской живописи, привычные цветы в горшках заменял бонсай. Кухня была отделена от гостиной ширмой с цветочными узорами, над диваном с потолка свисало несколько бумажных ламп, на журнальном столике стояла маленькая фарфоровая ваза с рукодельными ветками красных ягод, сделанными так искусно, что и от настоящих не отличить. На тумбе для телевизора по полкам были разложены веера и даже сувенирные мечи. Света, с горящими глазами глядя на всё это, уже представляла, как попросит Сабину хотя бы подержать в руках один из них.

Атмосфера здесь была очень непривычной и оттого уютной. От мысли, что к вечеру им с Амалией придётся покинуть друзей и вернуться домой, становилось тоскливо. В гостях у Захара и Сабины было слишком приятно находиться. Света будто попала в сказку о небожителях, обосновавшихся в смертном мире.

Проголодавшиеся быстро покончили с яичницей, остальные тоже расположились за круглым столом, чтобы начать собрание. Из фарфоровых, вручную расписанных чашек неторопливо поднимались струйки пара. Даже чай здесь был особенным, подумала Света, с удовольствием делая первый глоток. Сильно ли будут против Сабина с Захаром, если она попросит иногда ночевать здесь? Амалия разложила на скатерти кубки и дневник, а Захар, попивая ароматный молочный улун, принялся рассуждать:

– Думаю, Розенкрейц и дальше будут гоняться за нами, чтобы вернуть свою собственность. Но по новостям не сказали ни слова о краже, условные хозяева, скорее всего, даже ничего не заметили: по описанию Светы мне показалось, что чердаком не пользовались по меньшей мере лет сто.

– Пусть гоняются, отбились один раз – отобьёмся и второй, – фыркнула Сабина, откидываясь на спинку стула.

– Я бы не был так уверен. Нам скорее повезло. Что это были за чёрные стебли? – посерьёзней Захар, оглядывая ребят нахмуренным взглядом. – Они окутали ноги adeptов, но нас

оставили в покое и помогли сбежать. Я не знаю ни одного обелиска с подобной способностью, могу только предположить, что это была разновидность тёмной магии.

– Тёмной магии? – удивилась Света.

– Особый вид магии. Обычно ей обладают вороны, но мне неизвестно, остался ли хоть один такой в Новом Осколе. Тот, кто помешал пепельным отобрать у нас дневник, похоже, на нашей стороне. Во всяком случае – пока.

– Может, это сделал тот самый обелиск, который нашёл кубки и оставил подсказку? – воодушевлённо предположила Амалия, вскакивая со своего места. – На них тоже узоры с розами.

– Тогда мы можем ожидать, что он сам свяжется с нами в скором времени. – Захар в задумчивости прикоснулся к подбородку. – У меня складывается впечатление, что он же и подкинул дневник на чердак. Только вот зачем?

– Он мог написать в записке: «Жду вас там-то во столько-то, если найдёте дневник», разве нет? – задумался Тихон, Захар покачал головой.

– Так он мог прождать вечность. Сейчас это бесполезно обсуждать: мы никак не сможем понять, он ли остановил ночью пепельных, розы вполне сойдут за совпадение, это могут быть два разных обелиска.

– Тогда просто прочитаем дневник, – нетерпеливо заявила Сабина. – Там по-любому есть другие подсказки.

Захар согласно кивнул. Он уже и сам устал довольствоваться одними только догадками. Они ещё не обладают достаточными знаниями, чтобы прийти хоть к каким-то выводам. Он потянулся к дневнику и аккуратно открыл, едва прикасаясь к страницам. На первой было потёртое размытое изображение. Размытое настолько, что едва можно было разглядеть хоть что-то: явно читались только огромное солнце, занимающее почти всю страницу, размытый силуэт человека в красном одеянии с золотым кубком в руке и римская цифра «XIX». Он повернул дневник к ребятам, дав им рассмотреть изображение. Те лишь почесали затылки, но Амалия при одном взгляде на рисунок оглушающе громко воскликнула:

– Это Таро!!!

Ребята переглянулись. Неужели её знания эзотерики наконец пригодятся?

– Что ты можешь сказать об этом? – поинтересовался Захар.

– Вообще, Солнце – один из двадцати двух старших арканов, – пылко начала Амалия, – но эта картинка не из обычной колоды. Если кратко: Солнце чаще всего указывает на нечто позитивное, на достижение целей, исполнение желаний, радость и процветание. Если гадают на кого-то, этот кто-то будет защитником или просто светлым человеком. Не уверена, изображается ли на других колодах человек с кубком в руке, но мы всё-таки читаем дневник, связанный с кубками Солнца, поэтому это даже логично. Я могла бы рассказать подробнее, если бы изображение было хоть немного чётче...

Она раздосадовано выдохнула и пожала плечами. Захар покачал головой. Чтобы понять больше, нужно дочитать дневник. Он не стал больше медлить и перевернул страницу.

Вначале авторы рассказывали некую сказку или легенду.

«В первый день дом героя, что стоял на высоком холме вдали от города, от бури и грома сотрясался. Но герой не боялся. Сколь бы ураганов ни обрушилось на него, он не отступится от своего пути. До самого конца он истинного порядка вещей будет придерживаться.

Чёрные грозовые тучи разошлись, ливень отступил, а из просвета явился герою ангел. Дева, чьё небесно-голубое одеяние усеивали звёзды, издали золотым светом освещающие людям их тернистый путь. За спиной её сто тысяч белоснежных крыльев порхали, а на каждом крыле по сотне голубых очей взирали на героя. Глаза девы сокрыты под перьями были, ибо красота их могла ослепить смертных.

В позолоченный рог протрубила дева, в другой руке стопку писем придерживая, полилось из её уст рекой серебристой песнопение: «Свадьбы Королевской день настал. О, возрадуйся, кто рождением и выбором Богов приглашён! От начала и до конца празднество на трёх холмах узри! Но перед началом себя проверь. Пусть стережётся тот, кто на святых чашах весит слишком мало. Ни единого гостя, кто не чист и не бдителен, не примет Свадьба!»

Протянула дева герою письмо с печатью, Монадой оттиснутой, что Солнце, Луну, Венеру и Юпитер в себе объединяет, строчки «In hoc signo vinces» на белоснежной бумаге выведены были. То было приглашение на Королевскую Свадьбу священную.

Вспомнил герой, что видел это письмо в сновидении, уже несколько лет с тех пор прошло. Он обратился к деве с просьбой направить его на путь истинный в новом сне. С блаженной улыбкой та безмолвно кивнула и оставила его, вспорхнув на ста тысячах белоснежных крыльях своих, а тучи чёрные сомкнулись, вновь скрыв свет ангельский.

И увидел герой сон.

В темнице тот томился, с множеством других людей был цепями скован, кровью истекал и слёзы лил молчаливо. Потуги выбраться тщетными были, сколь бы ни пытались закованные. Но милость прекрасной девы до них снизошла. Не видели они лица её, но голос слышали, словно золотой ручей он лился из незримых уст её. Исчезли цепи, в темницу лестница спустилась, из лучей солнечных сплетённая. Смогли пленники на свет выбраться, и одарены были золотыми слитками с гравировкой, что «Deus Lux Solis» гласила. Попросила Дева героя сохранить их в память о помощи её.

Наутро понял герой, что сами Боги удостоили его правом быть гостем на Свадьбе Королевской. Облачившись в белые одежды и плащ красный, на голову венец из четырёх красных роз надев, взяв с собой хлеб, соль и воду, отправился он в путь к замкам на трёх холмах.

Тем временем второй день наступил.

На пути героя развилка из четырёх дорог предстала. Первая была короткой и опасной: путь её рассудочен, а потому односторонние выводы влёт, не всю действительность являл он.

Вторая дорога длинной и окольной была: кто её выберет, рискует потерять терпение и не добраться до истины никогда.

По третьей мог лишь один из тысячи следовать. То была королевская дорога: лишь обеспеченные могли ступить на неё.

Четвёртая же только очищенным умам открывалась, иным она разум затуманивала и сил лишала.

Не мог герой пойти по первой: учили его всю жизнь не только за разумом следовать, но и к зову сердца прислушиваться. По третьей не должен был шагать: простолюдином родился и богатствами не был одарён. На четвёртую ступить не смел: никак он чистым себя не мог считать, всю жизнь следовало праведно вести, боялся он грехов своих. А потому выбрал долгий и окольный путь: терпением и упорством своих целей добивался, лёгкой для него была вторая дорога.

Долго шёл герой по тропе, камнями речными вымощенной, и вот вдалеке увидел чёрную как ночь ворону яростную, напавшую на маленькую птичку беззащитную. Отогнал он чёрную птицу, а с раненой хлебом поделился.

В конце пути ворота величественные возвышались, а страж, завидев у гостя розовый венец, обрадовался тому несказанно. В обмен на воду и письмо с приглашением, выдал он герою второе письмо.

Следующие врата лев охранял, в обмен на второе письмо и свёрток с солью открыл он герою проход. С грохотом врата исполинские раздвинулись.

До третьих ворот провела героя дева. Крыльев лишена она была, потому как служить на земле смертной отныне ей было приказано. За третьими воротами дева в обмен на соль герою выдала новую обувь, дорогими драгоценностями окропленную.

Добрался герой до первого замка, слуги невидимые прислуживали здесь, всем гостям невидимыми ножницами кончики волос отрезали и в маленький горшочек складывали.

Много гостей было приглашено на Свадьбу, длинные столы от закусок и напитков ломились, в огромном зале яблоку негде было упасть. Раздосадован был герой таким шумом, но знакомую среди гостей встретил, сели они вместе за длинный стол, молодость далёкую вспоминая. Невидимые слуги подливали вино в хрустальные бокалы и приносили новые закуски, металась она как молнии по залу богато украшенному.

На троне высоком дева в белых позолоченных одеждах восседала, чёрные как ночь волосы её из неба ночного сотканы были, глаза за вуалью кружевной скрывались. Поприветствовала она всех гостей от имени Невесты и Жениха и принялась объявлять: завтра гости будут взвешены на святых весах, и те, кто слишком лёгкими не окажутся, смогут на великой церемонии присутствовать. Те же, кто сами считают себя недостойными, пусть выйдут в центр зала, а остальные отправятся дожидаться утра в гостевых покоях.

Покинуло множество зал, остались лишь девятые, герой со спутницей себя достойными не смели считать. Связали девятерых цепями и наказали в темноте часа своего дожидаться.

Ночью приснился герою сон. На высокой горе видел он множество повешенных. Те, что низко висели, падали мягко на землю – с миром их отпускали. Те же, кто висел высоко, о скалы острые разбивались. Разразился герой сквозь сон смехом печальным. Так ночь прошла долгая».

На этом легенда обрывалась. Захар в ступоре умолк, остальные ещё добрых пять минут молчали, не в силах вымолвить и слова. И что это вообще такое было?!

– Чего... – проговорила Сабина, приходя в себя. – Как это с кубками связано? Это чей дневник?

– У меня сейчас мозг взорвётся, – пробормотал Тихон, без сил лежавший головой на столе.

– Так. – Захар оперся локтями о стол и потёр свободной рукой переносицу. У него и самого теперь в голове творилось неведомое что. – Иллюстрацию с первой страницы не трогаем, да? На ней едва ли можно что-то разглядеть... Понятно, что солнце и кубок отсылают к названию артефактов, но неясно, кто человек на картинке: может, главный герой, может, король. Об остальном: это явно не вся легенда. По словам рассказчика, прошло только два дня, даже до самой свадьбы не дошло. Сколько всего должно быть дней?

– Ну, дневника четыре, – начала Света. Она едва сдерживалась, чтобы не последовать примеру Тихона, но иллюзию вовлечённости создать должна была. – Тогда восемь дней? По два на каждый.

– Скорее всего. Если говорить простым языком и сильно не разбираться: главного героя пригласили на свадьбу местной королевской семьи. Нельзя пока сказать, где именно всё это происходит и кем является герой.

– Ему принесла приглашение ангел? – удивилась Амалия, вспомнив сюжет. – Разве они существуют? Хотя, если это легенда, то вполне...

– Скорее всего, это метафора. Если авторы дневника – обелиски, с большой вероятностью персонажи легенды также ими являются. Ангелом могли назвать оборотня-птицу.

– Сову? – предположила Сабина. Остальным тоже вспомнились Федя с Агапой.

– Может, и так. – Захару повезло иметь отличную память, поэтому обязанность вспомнить весь ход легенды он взвалил на себя. – На печати письма с приглашением была изображена некая Монада. Можно предположить, что автор имел в виду Иероглифическую Монаду.

– Кого? – Сабина всё-таки сдалась и тоже положила голову на стол.

– Эзотерический символ! – выкрикнула от неожиданной догадки Амалия. – Я где-то читала об этом.

– Именно, – согласился Захар. – Он означает единство всего творения, находящегося под влиянием неких высших сил. В алхимии же её использовали как аллегория Великого Делания, в ходе которого путём слияния различных ингредиентов и духовного совершенствования человека создавался Философский Камень. Здесь же говорится, что Монада объединила в себе символы Солнца, Луны, Венеры и Юпитера, что соответствует названиям четырёх пар артефактов. И вот почему теперь я всерьёз верю в связь легенды с алхимией: посмотрите на название дневника.

Ребята как по команде устали на кожаную обложку книги. Но о чём слова «Нигредо. Книга Солнца» могли сказать таким непросвещённым, как они? Все устали на Захара, выжидая пояснений. Тот вздохнул и продолжил:

– Вы забыли? В Пророчестве тоже есть это слово... В Великом Делании разделяли четыре фазы: Нигредо, Альбедо, Цитринитас и Рубедо. Эти же фазы стоят в начале каждой части Пророчества! Как видите, первый дневник связан с первой. Логично предположить, что в названии остальных трёх будут следующие три фазы. Золото в Алхимии ассоциируется с Солнцем, думаю, поэтому герою выдали два золотых самородка – это, скорее всего, намёк на два кубка.

– Впервые слышу об этом... – в задумчивости чесал затылок Тихон и обратился к Амалии. – Ты тоже знала, что в Пророчестве штуки из алхимии?

– Да, но всё ещё не понимаю, почему, – пожала плечами та. – Может, это просто символизм? Когда гадаешь на картах, тоже не знаешь точной трактовки каждого образа, что приходит в голову, и ориентируешься на собственные ассоциации. Думаю, для пророка это был способ показать, что Пророчество – это стадии борьбы обелисков со злом и совершенствование хозяев артефактов в процессе. А философский камень, который стремятся создать алхимики, – доказательство того, что они достигли высшей степени просветления!

– А что там по латыни? – вспомнила Света, пока пыталась переварить сказанное Захаром и Амалией. – Эти странные фразы ведь на латыни, да?..

Захар поспешил открыть переводчик и ввести нужные фразы. Когда тот выдал результат, глаза парня чуть округлились:

– Если верить переводчику, надпись на письме с приглашением переводится как «Сим победишь». Может быть, автор имел в виду, что все артефакты помогут победить пепельных? – но Захар тут же нахмурился. Пока рано делать выводы. Он ввёл другую фразу. – На золотых слитках, которые подарили пленникам во сне героя, было написано «Бог – свет Солнца». Прямая связь с кубками?

– Кубки помогут кому-то выйти из темницы? – неуверенно предположила Амалия.

– А про сами кубки там вообще хоть слово сказано? Или нас так и будут в каждом дневнике сказками и самородками кормить? – раздражённо проговорила Сабина.

Захар перелистнул страницу, на которой обрывалась легенда. Дальше и вправду было описание кубков Солнца: «Золотые кубки, наполненные солнечным светом и украшенные жёлтыми и зелёными кораллами из глубин бескрайнего океана. Любая коррозия, будь то болезнь или злые намерения, более не будут тревожить тех, кто испытает на себе силу Солнца. Своим теплом оно согревает тела и души. Когда хозяин достигнет высшей степени просветления, жидкость, что льётся из сосуда, окрасится в красный – это и станет маяком на пути ищущих истину».

Авторы дневников обожали такую форму повествования, это заметили абсолютно все присутствующие, и уж точно мало были этим довольны. Захар рассуждал про себя, нахмутив аккуратные рыжие брови. Внешнее описание действительно совпадает с теми кубками, что Света с Амалией нашли на чердаке. Но о чём говорится далее? Возможно, авторы имели в виду, что при правильном использовании кубки наполнятся некой жидкостью красного цвета? Болезни, злые намерения... Кубки влияют на здоровье и разум? Не исключены и лечебные

эффекты. Захар озвучил догадку, но ребята смыслили в таком куда меньше, поэтому просто покивали и умолкли «в задумчивости».

Он перевернул страницу: здесь было и краткое внешнее описание мечей Луны. Их рукояти окутывала серебряная розовая лоза, один инкрустирован белыми драгоценными камнями, другой – чёрными. Снова образ роз...

– Отлично, мы хотя бы знаем, как они выглядят, – выдохнула Сабина. – Тебе же только облик кубков был известен?

– Да, как и другим обелискам, знающим легенду об артефактах. Никто не знает причину, по которой описание других было утрачено, может быть, сам автор хотел, чтобы мы побегали, прежде чем найдём другие три пары. Но розы... – Захар нахмурился ещё сильнее, прожигая взглядом злополучную строчку. – Меня уже всерьёз пугает это сходство. Название организации Розенкрейц – это слияние слов «роза» и «крест». Надеюсь, это не намёк на то, что авторами дневников и артефактов они же и являются. Скорее всего, так настоящие их создатели хотели пошутить над пепельными. Мол, их способны сразить артефакты, украшенные их же символикой.

– Это всё ещё похоже на один большой розыгрыш... Ты уверен, что тот сероголовый придурок не знал, что именно мы украли?

– А других подсказок нет? – вспомнил Тихон, пропустив мимо ушей сомнения Сабины.

Захар перевернул ещё один лист. Следующая страница была последней, но там действительно оказалась подсказка.

«Книга Луны хранится в поместье Романовых».

Да это даже не подсказка. Авторы просто-напросто... прямым текстом обозначили точное местоположение? Уже не в первый раз...

Сабина чуть не упала со стула и недоверчиво покосилась на тетрадь в руках брата. Это точно какая-то приманка! Много загадок тоже плохо, но хоть бы какую лёгкую для уверенности в собственной безопасности...

Заметив удивление на лицах ребят, Света неловко заозиралась по сторонам. Похоже, все, кроме неё, поняли, где находится второй дневник. А вот ей пока не доставало знаний о Новом Осколе, если речь вообще шла о нём.

– Где это? – спросила она.

– Это наша школа, – тут же ответила Амалия, у Светы чуть не отвисла челюсть. – Ольга Романова, по слухам, была чёрной волчицей. А её поместье переделали в школу.

– Ещё и так?!

– Ага, – проговорил Захар, неловко улыбаясь, но тут же заметно поник, невольно сильнее сжав пальцами страницы дневника. – Помнишь о контракте между обелисками и Розенкрейц? Это всего лишь слух, не имеющий абсолютно никаких доказательств, но контракт был заключён как раз после того, как Илларион убил Ольгу Романову в её же поместье. Тогда он и доказал всем, на что способен пойти, если обелиски нарушат контракт.

– Как, убил? – С каждым словом Захара холодный пот прошибал Свету всё сильнее. Так Илларион всё-таки успел кого-то убить?! Она уже и впрямь была готова поверить в правдивость этого странного Пророчества...

– Он сжёг её своим алым пламенем, – не церемонясь и сжимая кулаки, констатировала Сабина. Зрачки Светы тут же сузились.

– Опять же, это может быть неправдой, – напомнил Захар, – прошло уже сто пятьдесят лет. Но, что более важно, теперь мы знаем, где искать второй дневник.

– Погоди, она была чёрной волчицей? – вспомнила Света. – Илларион же ждёт потомка чёрных волков, который спасёт всех обелисков, зачем тогда убил одну из них? И где сейчас остальные чёрные волки?

– Понятия не имеем, – развёл руки в стороны Захар, говоря это таким обыденным тоном, что у Светы на голове волосы встали дыбом. То есть они не знают, живы ли их спасители?! – Их уже давно никто не видел. В то время, когда на Землю пришел Розенкрейц, все выжившие чёрные волки затаились и скрывались даже от других обелисков. Они с одинаковой вероятностью могут быть как мертвы, так и живы. Мы этого не узнаем.

– Класс... – только и могла выговорить Света, опершись локтём о стол и положив потяжелевшую голову на сжатый кулак.

– Значит, следующая точка – школа, – задумчиво подытожила Амалия, поворачиваясь к Свете. – Сможешь также отыскать второй дневник?

– А? – дёрнулась Света, за тяжёлыми раздумьями уже подзабывшая, как матушка удача привела её к первому дневнику прошлой ночью. Она неловко почесала затылок, выдавливая из себя улыбку. – По крайней мере, постараюсь...

– Не волнуйся, мы тоже будем помогать, – успокоил её Захар. – Не можем же мы теперь скидывать на тебя все обязанности. Начнём со школьной библиотеки. Раз Книга Солнца была среди других книг, Книга Луны может храниться в похожем месте.

– Или на чердаке? – усмехнулась Сабина, азартно скалясь. Захар предпочёл проигнорировать её догадку, не желая в это верить и дальше связываться с чердаками. Туда они пойдут в последнюю очередь!

– Ну, предлагаю оставить всю эту мистику и посмотреть фильмы! – ободряюще улыбаясь ребятам, объявила Амалия.

Остальные охотно согласились: слишком уж много сил потратили на анализ первого дневника, хоть и ничего толком не узнали. Света решила, что оставит расследование странного пожара на потом: если они начнут его сегодня же, вся информация в голове окончательно перемешается, и они упустят что-нибудь важное. Как только дело с артефактами и дневниками начнёт хоть сколько-то проясняться, тогда можно будет и к другому приступить.

Оставшийся день они провели дома у Сабины и Захара, не рискуя пока лишний раз появляться на улице даже днём. Убегать от пепельных не понравилось никому.

Глава 8. Галлюцинация

И всё-таки школа – самое ужасное место в мире.

Сколько бы Света ни пыталась настроить режим так, чтобы рано ложиться и рано вставать, во сколько бы ни засыпала, просыпаться каждый день в семь утра было одинаково невыносимо. А ведь в начальной школе родители будили её в шесть. Как она тогда вообще дожила до пятнадцати?..

С закрытыми глазами Света выползла из своей берлоги и наскоро собралась под весёлые возгласы Амалии и Катерины. Вторая как будто была рада отправить Свету в новую школу даже больше, чем родители. Те уже полчаса назад выехали на новую работу и не успели пожелать Свете доброго утра, но от этого легче не стало бы. Любое утро, кроме субботы и воскресенья, добрым быть не может. Разве что на каникулах.

Она решила не рисковать и в первый день всё-таки надеть школьную форму, чтобы учителя не сразу поняли, с кем имеют дело. Пусть ослабят бдительность, а уж потом репутация будет работать на Свету. Натянув тщательно выглаженную белую рубашку с галстуком и чёрные брюки (те всё же слегка помялись, брошенные в дальний угол шкафа), она вместе с Амалией вышла из дома. Только чёрные кроссовки не могла променять ни на какую другую обувь: расстаться с ними было равноценно самоубийству. Хранить им верность она собиралась до самой старости.

Амалия относилась к школьной форме чуть проще: с белой рубашкой и чёрными брюками контрастировала клетчатая зелёная жилетка, за которую в старой школе Светы и родителей могли вызвать.

Будь у неё силы, она бы потратила пять минут на утреннюю пробежку, но по понедельникам и без того редко высыпалась, поэтому вставать раньше не получалось ни при каких стараниях. Да и в расписании стояла физкультура, отработает упущенное там. Хоть и придётся перед этим пострадать на русском. Некоторые молитвы Светы всё же были услышаны, и в понедельник не было физики. Вот чему действительно стоило радоваться.

Как только сёстры ступили за школьные ворота, сонливость как рукой сняло. Света не знала, куда смотреть первым делом: движение было одновременно повсюду. Количество скамеек во дворе позволяло множеству учеников проводить свободное от уроков время на свежем воздухе, но большинство предпочитали более активное времяпровождение, чем простое сидение на месте. Возле огромной кучи листьев, скрупулёзно собранной дворником, крутилась компания первоклассников во главе с Тихоном. Тот выстроил детей в ряд и, как только задорно отдал команду, ребята по очереди с громким криком принялись нырять в эту кучу, превратив её в беспорядочное жёлто-красное месиво. В довершение за ними прыгнул и сам Тихон, уничтожив остатки листвы, имевшие хоть какие-то похожие на кучу очертания. Зимой они наверняка проделывали то же самое со снегом. Как только Амалия увидела это их невероятно весёлое занятие, кинулась нырять вместе со всеми.

Чуть поодаль перед Сабиной выстроилась другая группа детей, внимающих каждому с умным видом сказанному ею слову. Понаблюдав за этим какое-то время, Света поняла, что та рассказывает первоклассникам о принципах своего боевого искусства. А увидев, что лиса пришла в школу в спортивном костюме, догадалась, что форма здесь была не так уж важна, и Света зря пожертвовала своим комфортом. Завтра придёт в домашнем, как обычно.

– Итак, слушайте внимательно. Каждый ученик должен уважать своего наставника, соперников и всех окружающих! А теперь повторяйте!

Толпа задорным хором повторила сказанное.

– Что бы с вами ни происходило, вы ни за что не должны бросать начатое. Повторяйте! Ученик всегда должен быть смелым и никогда не сдаваться!

Толпа вновь прокричала нужную фразу.

– И самое важное – вы всегда должны контролировать свои эмоции и действия! Повто...

– Но ты же всё время злишься на своего брата.

Сабина на миг потеряла дар речи, когда один из «учеников» вдруг перебил её. Мальчишка стоял с таким спокойным видом, будто сказал нечто само собой разумеющееся.

– Да что ты... Когда такое последний раз было?!

– Получается, ты не уважаешь всех окружающих? – подхватила другая ученица.

– Постой...

– И математички вашей так боишься, что каждый день прибегаешь к нам и ворчишь, какой ужас нас ждёт в пятом классе! – вспомнил третий, особенно эрудированный для своего возраста, школьник.

– А ну проваливайте и повторяйте уроки!

Дети с громким смехом разбежались кто куда, а Сабина стояла на месте, пылая от возмущения. Ещё немного – и макушка загорится. Этим детям никогда не постигнуть её индивидуальный смешанный стиль!

Она уже хотела выплеснуть гнев на воздухе: заноса руку для удара, развернулась, но отпрянула, едва не задев Свету, из ниоткуда взявшуюся прямо у неё за спиной. Она с интересом наблюдала, как толпа незадавшихся учеников Сабины забегает в двери школы. Когда они скрылись, перевела взгляд на застывшую в ступоре подругу:

– Это были принципы тхэквондо?

– Э... Вроде того. Но ты же помнишь, я не обучаюсь какому-то конкретному искусству... – отмахивалась Сабина, но в глубине души надеялась, что Свете хоть сколько-нибудь не плевать на эту деталь. И крайне удивилась, когда та согласно кивнула, а затем и вовсе с нескрываемой заинтересованностью продолжила расспросы.

– Чем не подошло кунг-фу?

– Долгая история... если коротко: мой бывший наставник тот ещё...

– Сабина! Твоя очередь! – вдруг крикнул Тихон, поднимаясь из кучи листьев.

– Потом расскажу как-нибудь, – вновь отмахнулась та, направляясь в сторону остальных.

– Эта история не настолько интересная. Если что, Захар в библиотеке.

– Уже ищет дневник? – удивилась Света.

– Не, ручичке помогает. Не хочешь с нами в листьях поваляться?

Света без лишних слов бросила рюкзак к сумкам остальных и присоединилась. Правда, до начала урока уже оставалось всего десять минут, поэтому вскоре занятие пришлось прервать, и ребята вместе с толпой школьников, принявших Тихона за своего вожака, поспешили в школу.

Когда четверо уже собирались подняться на второй этаж и приблизились к лестнице, были вынуждены посторониться: по перилам, убегая от кого-то, съехал высокий беловолосый парень в чёрном брючном костюме с галстуком и белой рубашке.

С лёгкой безмятежной улыбкой он мягко спрыгнул на пол и одним ловким движением свернул в мужской туалет, хлопнув дверью и попутно уклонившись от летящей сверху тряпки за миг до того, как та прилетела бы ему на голову. Тихон весело рассмеялся, глядя ему вслед. Тут же по лестнице со второго этажа спустилась разъярённая Агата.

– Где этот вредитель?!

Света удивилась редкому проявлению эмоций у одной из сов. Что такого мог сделать несчастный парень, чтобы настолько разозлить Агату?

– На кой чёрт он тебе сдался? – хихикала Сабина. Агата стрельнула в неё холодным взглядом, но всё-таки ответила.

– Он сфоткал ответы на тест по алгебре. Я хотела заставить его удалить их.

– Хорош! – похвалил «вредителя» Федя, невесть откуда взявшийся за спинами ребят, заставив их обернуться на звук.

Хоть до этого Света встречала его всего единожды, было странно видеть его не в спортивной одежде. Он не совсем плевал на школьную форму: под белый пиджак надел тёмно-синюю рубашку и чёрные брюки, даже полосатый галстук завязал. Руки были исправно в карманах, а волнистые волосы слегка растрёпаны.

Гнев Агаты по инерции переключился на брата, но тот проигнорировал её присутствие и с довольной улыбкой отвлёкся на телефон.

– Вы не должны списывать! Учителя получают зарплату за то, чтобы обучать вас! Я дождусь этого... двоечника здесь и заставлю удалить...

– Не успела. – Федя, победно прищурившись и оскалившись, показал ей экран своего телефона. Теперь Агата пылала от ярости.

Все, кроме Светы, получили уведомление, и Тихон вновь рассмеялся:

– Он отправил их в общий чат.

Агата сдалась и, топнув ногой, поднялась обратно на второй этаж, мысленно проклиная этих неучей. «Вредитель» же неспешно вышел из туалета, незаметно пристроившись к компании, и обменялся с Тихоном неким особым рукопожатием с кучей ударов кулаком о кулак и прочими загадочными элементами. Света задумалась, почему «вредитель» не проводил время вместе с их компанией, раз так хорошо дружил с Тихоном, но быстро вспомнила, что далеко не все жители Нового Оскола были обелисками. Видимо, он был обычным человеком, непосвящённым в их тайны.

– Братан, это был подвиг! – хвалил друга Тихон. Тот в ответ сдержанно улыбнулся, оглядывая остальных и кивая им в знак приветствия, задержав чуть удивлённый взгляд на Свете.

– Мы тебе жизнью обязаны! – подхватил Федя и по-дружески хлопнул парня по плечу так, что тот слегка пошатнулся, хоть и был на вид не менее спортивным, чем филин, даже роста был такого же.

Свете было неясно такое дружеское отношение Феди, Захар ведь говорил, что другие ему безразличны. Да это итак было ясно, пальцев двух рук не хватит, чтобы сосчитать, сколько раз ей пришлось держать в себе оскорбления и проклятья за то недолгое время, что Света с ним контактировала.

Кто этот парень вообще такой? Волосы и глаза у него были очень светлыми – кажется, вообще белыми, но ресницы тёмными. Укладкой он, похоже, заниматься не любил, но волосы и без того выглядели довольно аккуратными, хоть немного отросли и были чуть длиннее, чем у Феди. Он просто откидывал их назад, чтобы не лезли в глаза. Узел галстука был слегка ослаблен, а первая пуговица рубашки расстёгнута, что придавало ему чуть неряшливый вид. Увидь его Света, спокойно идущего по коридору, никогда бы не подумала, что тот плюёт на школьный устав, превышая скорость в коридорах и распространяя ответы на контрольные. На его натуру могли указывать только синие кеды, сильно контрастирующие с остальной одеждой. Если бы не эти мелкие детали, Света бы подумала, что перед ними второй Захар, такой же прилежный, вежливый и надевающий лишь то, что соответствовало школьному дресс-коду, только высокий и беловолосый.

Цвет волос парня заставил её невольно вспомнить недавний побег от пепельных: у одного из них тоже были белые. Похоже, цвет волос у адептов не обязательно серый. Другие ребята вели себя спокойно в присутствии друга Тихона, да и интуиция не кричала Свете о прямой угрозе. Видимо, просто совпадение, и парень действительно был обычным человеком.

Он разминал шею, пока Тихон увлечённо рассказывал ему о чём-то. И на середине истории вдруг указал на Свету:

– Это Света Козырева, новенькая.

– О, – Он с вежливой улыбкой протянул ей руку. – Я Богдан Полюсов. Приятно познакомиться.

Света отмела подозрения на задворки сознания и ответила на рукопожатие, также улыbnувшись. Приятно было знать, что здесь так много её братьев по разуму, умеющих списывать. Ребята как раз добавили её в общий чат класса, а Амалия отправила ей фото с ответами на тест. Компания уже собиралась подняться на второй этаж, как вдруг Богдана, идущего впереди всех, едва не сбили с ног двое пятиклассников, несущихся на всех парах вверх по лестнице.

– Извини! – неожиданно вежливо крикнул один из них, обернувшись и едва не завалившись на бок на повороте, перевешенный большим тяжёлым рюкзаком.

Света в ту же секунду воспользовалась тем, что парень отвлёкся, и попыталась как можно скорее почувствовать его биополе, как учила Амалия. Она умела быстро думать и действовать в нужных ситуациях, вот и сейчас с успехом повторила уроки сестры. И в то же мгновение застыла: сбоку от парня виднелся чёткий, такой яркий сияющий золотом силуэт волка, что пришлось невольно прищуриться. Биополе было настолько густым, что его можно было назвать полноценной фигурой, а не просто силуэтом. У Светы перехватило дыхание. Так он тоже обелиск? И насколько же он силён, что его биополе так сияет?!

Она опомнилась, лишь когда Богдан уже обернулся, и экстренно отключила «видение», вопросительно уставившись на парня. Тот почему-то задержал нечитаемый взгляд на Свете и с лёгкой улыбкой сказал:

– Аккуратнее.

Компания двинулась дальше, не обгоняя Богдана. Но Света так и хотела остановиться на месте, чтобы обдумать эту мимоходом брошенную реплику. «Аккуратнее»? Она, конечно, шла прямо за ним, но мальчишки никак не могли дотянуться своими рюкзаками до неё. И этот его нечитаемый взгляд... До чего тут все странные...

Шла вторая половина русского языка, но Света уже готова была поклясться, что находится в школе не меньше двадцати часов. Голова её лежала на парте спустя десять минут после начала урока, а как пережить оставшиеся, она не имела ни малейшего понятия. Обнадёживало, что справа сидела отличница-Амалия, согласившаяся помогать сестре с заданиями. Потому по доброте душевной делала работу за двоих, пока Света невидящим взглядом сверлила стену за спиной учительницы и думала обо всех не связанных с темой урока вещах.

В классе числилось около тридцати человек, среди них Света пока не заметила ни одного любителя поиздеваться над новенькими. Не то чтобы её заботили такие мелочи, со стопроцентной вероятностью она скорее первая начнёт издеваться над подобными людьми, чтобы им жизнь малиной не казалась. Ведь кто-то же должен наглядно показывать им, что в этом мире хорошо, а что плохо. Да и опыт у неё уже был.

Новые одноклассники смотрели на Свету либо с интересом, либо с восхищением: та ещё в первые минуты пребывания в кабинете кратко изложила им все свои необычные увлечения сразу после того, как классная руководительница парой слов обошлась, представляя классу новенькую, и удалилась из кабинета. Она не забыла отметить соблюдение школьной формы, в ответ на похвалу Света лишь натянуто улыбнулась. Жаль было разочаровывать учительницу, она ведь и вправду придёт завтра в своей обычной одежде...

Рассадка в школе была свободная, и Света в ещё более приподнятом настроении, не раздумывая, приземлилась на соседнее с Амалией место, попутно пожимая руки всем желающим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.